

АНДРЕЙ БОНДАРЕНКО

СКАЗКА О СМЕРТИ И НЕЖНОСТИ

Андрей Бондаренко
Сказка о смерти и нежности
Серия «Суровая проза», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12103807
Сказка о смерти и нежности:

Аннотация

Является ли эта запутанная и местами кровавая история – фантастикой «в чистом виде»? Так сказать, на сто процентов?

Нет, конечно же.

В «Бабушкином» парке и сегодня продолжают искать клад легендарных князей Черновых. Идешь по аллее, глядь, а на газоне появилась свежая яма, которой вчера ещё не было. Сворачиваешь на другую аллею – опять следы недавних раскопок. И парковый ночной сторож уверяет, что это – дело рук неких «арендаторов» с «Пролетарского завода», мол: – «Им уже на пять месяцев зарплату задерживают. Вот, бедолаги – от полной безысходности – и ударились в кладоискательство. И, что характерно, особы женского пола, в основном, копают: и совсем ещё молоденькие, и не очень. Эстетки доморощенные и мартышки мечтательные...».

Так что, дамы и господа, всё ещё впереди...

Содержание

От Автора	5
Миттельшпиль, середина Игры	6
Пролог	8
Глава первая	9
Глава вторая	14
Глава третья	21
Глава четвёртая	30
Глава пятая	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Андрей Бондаренко

Сказка о смерти и нежности

*Мир жесток. И непонятен.
А глаза – так часто – лгут.
Этот вечер мне приятен.
И приятен мой маршрут.*

*А глаза, что часто лгали.
В невозвратности теперь.
В сонме – ветряной – печали.
В списке – ветряных – потерь...*

От Автора

Является ли эта запутанная и местами кровавая история – фантастикой «в чистом виде»? Так сказать, на сто процентов?

Нет, конечно же.

В «Бабушкином» парке и сегодня продолжают искать клад легендарных князей Черновых. Идешь по аллее, глядь, а на газоне появилась свежая яма, которой вчера ещё не было. Сворачиваешь на другую аллею – опять следы недавних раскопок. И парковый ночной сторож уверяет, что это – дело рук неких «арендаторов» с «Пролетарского завода», мол: – «Им уже на пять месяцев зарплату задерживают. Вот, бедолаги – от полной безысходности – и ударились в кладоискательство. И, что характерно, особы женского пола, в основном, копают: и совсем ещё молоденькие, и не очень. Эстетки доморощенные и мартышки мечтательные...».

Так что, дамы и господа, всё ещё впереди...

Автор

Миттельшпиль, середина Игры

– Ночью Пушениг (спать его определили в просторном чулане на первом этаже, под скрипучей деревянной лестницей), проснулся от тихого, но настойчивого стука в дверную филёнку, – продолжила свой рассказ Инга. – За дверью стояла Аннушка, которая жестами пригласила следовать за ней. На улице властвовала светлая ночь – это круглая жёлто-янтарная Луна и несколько миллионов ярких осенних звёздочек старались вовсю. Алекс и его юная провожатая подошли к высокому длинному сараю и остановились возле тёмной входной двери. «План у нас такой», – торопливо зашептала девушка. – «Отворяем дверь, входим и крадёмся – тихо-тихо – направо. Возьмите, маркиз, мою ладонь в свою. Буду вас вести, чтобы случайно не споткнулись в темноте обо что-нибудь... Куда и зачем мы идём? Хочу вам кое-что показать. Вернее, кое-кого... Ох, как ошибается мудрый и непогрешимый ребе Янкэлэ. Как же фатально ошибается. Настоящая Любовь, она сильнее даже древней и всемогущей Каббалы...». В сарае пахло ароматным цветочным сеном и свежими берёзовыми опилками. Они осторожно двинулись в правую сторону, откуда доносились отголоски какого-то оживлённого разговора. Маленькая и узкая девичья ладонка, помещённая в ладонь Алекса, была суха, нежна и горяча. «Отголоски разговора?», – мысленно хмыкнул Пушениг. – «Скорее, уж, среднестатистического любовного воркования... Неужели, Аннушка – извращенка и любительница групповых оргий? Нет-нет, тут, пожалуй, что-то совсем другое... Ага, впереди замаячила светло-жёлтая короткая полоска. Это же узкая щель в стене. Сейчас посмотрим – что за ней...». За бревенчатой стеной, в призрачном свете масляного фонаря, установленного на торце толстого берёзового чурбака, обнаружилась тесная квадратная комната с грубым широким топчаном, на котором разместились полуобнажённые големы. Глиняные «человечки» нежно-нежно перешептывались между собой – так, ничего особенного и эксклюзивного, обычно-обыкновенная любовная чепуха, несущая чёткой смысловой нагрузки: – «Зайка, птичка, рыбка...». Причём, на нормальном человеческом языке перешептывались, безо всяких и всяческих нечленораздельных «бульканий». А ещё големы – в перерывах между бесконечно-нежным воркованием – умело целовались, отчаянно лапали друг друга глиняными ладошками по пикантным частям бронзово-коричневых тел и страстно мычали... Через некоторое время Готфрид захотел большего. Но женщина-голем была категорически против, мол: – «Не могу я здесь, в жилище человеческом. Не могу, и всё тут. Запахи противные. Аура чужая... Вот, когда сбежим из этого вонючего и негостеприимного гетто, тогда. Причём, сколько угодно. Хоть двадцать раз на дню. Хоть тридцать пять...». «Ну, что ты, Герда, как маленькая?», – огорчённо бубнил Готфрид. – «Что ещё за дурацкие комплексы? Наплюй, милая, на них. Наплюй и разотри. Чай, не убьёт с тебя, красotka писаная и недотрога стеснительная. Ну, позволь...». Но его глиняная подружка была непреклонна, мол: – «Только тогда, когда обоснуемся в каком-нибудь диком уголке Восточных Карпат. Главное, чтобы в абсолютно безлюдном уголке...». Вот, и вся история...

– Как это – вся? – аккуратно управляясь с автомобильной баранкой, возмутился Иван. – Что это за история такая – без концовки? Нет-нет, изволь завершить.

– Хорошо, слушай, тонкий и капризный ценитель романтических повествований, – длинно и непонятно вздохнула Мышка. – Из письменных воспоминаний благородного маркиза Алекса Пушенига следует, что через сутки с небольшим – после его прибытия в гетто – Готфрид и Гертруда, тайно завладев конной повозкой и убив двух стражников, ударились в побег. Ребе Янкэлэ Йехуде Бен Борхиню организовал погоню. Вблизи крохотной моравской деревушки, уже совсем недалеко от светло-сиреневых предгорий Восточных Карпат, бегле-

цов настигли. А после этого – за непослушание и коварство – разбили кузнечными молотами их глиняные тела и головы на мелкие части...

Пролог

Он стоял возле бокового входа в административный заводской корпус и курил.

«Нет, не так», – мысленно поправила себя Инга. – «Всё гораздо интереснее... Мужчина средних лет, стоящий под окнами «Службы режима» завода, действительно, курит. Но, вот, он сам... Какой? Высокий, сухощавый и жилистый. А ещё небрежный, уверенный в себе и, скорее всего, свободолюбивый до жути: в пальцах ладони одной руки зажата дымящаяся сигарета, ладонь другой спрятана в боковом кармане чёрных брюк, подошва правого остроноса ботинка размеренно (в такт какой-то мелодии?), постукивает по бетонной плите... Ага, заводской двор – несуетливо и по-деловому – осматривает. И по нашим окнам взглядом мазнул... Докурил сигарету почти до фильтра и отправил окурки в бетонную урну. Небрежным щелчком отправил, практически не целясь. И попал, хотя до урны было метров семь-восемь. Ловкий, ничего не скажешь... На кого он похож, этот самоуверенный и небрежный тип? Трудно сказать. Наверное, на благородного идальго, странствующего – долгие-долгие годы – сугубо по идейным соображениям. Или же на вольного пирата, сошедшего на берег с визитом вежливости...».

«Судя по всему, «Пролетарий» сегодня переживает далеко не лучшие дни», – пробежавшись взглядом по заводскому двору, решил Иван. – «Кучи ржавого железа сложены возле таких же ржавых рельсов. Проходы между производственными корпусами заросли лопухами, репейником и прочими сорняками. Да и относительно тихо вокруг, только в «девятом» цеху жалостливо гудит какой-то одинокий станок. Знать, срочных заказов нет... Ага, в окне второго этажа – здания напротив – наблюдается девушка. Уточняю, тоненькая и славная девушка – с милой рыженькой чёлкой... Познакомиться? В обязательном порядке. Но только завтра, так как сегодняшний день полностью расписан, то бишь, будет посвящён приёму текущих дел и вхождению в должность...».

Глава первая

Лишь – «добрый вечер»

Утреннюю планёрку Иван, благодаря подробным инструкциям Васильева, провёл в деловом и спокойном режиме: высказал свои пожелания работникам трёх «людских» и двух «грузовых» проходных, поставил чёткие задачи перед патрульными, отдельно пропесочил легкомысленных сотрудниц «бюро пропусков» и доходчиво ответил на вопросы подчинённых (в основном, о сроках выплаты положенной квартальной премии). Уложился, короче говоря, в запланированные тридцать минут. Уложился и, разогнав народ по объектам, поменял одну из двух табличек на входной двери в кабинет. То есть, верхнюю, с надписью – «Начальник Службы режима», оставил на прежнем месте. А нижнюю (с ФИО прежнего хозяина кабинета), заменил на новую, мол: – «Иван Васильевич Федосеев». После этого он перекурил, дополнительно начистил обувной щёткой ботинки и, критически оглядев собственную физиономию в настенном зеркале, отправился к зданию «напротив», помещения которого сдавались в аренду самым различным коммерческим организациям.

Иван вошёл в крайний подъезд, поднялся по скучной бетонной лестнице на второй этаж и остановился перед нужной – по его расчётам – двери, рядом с которой на стене был закреплён плотный лист картона с надписью: – «ОАО «ДорНии». Санкт-Петербургский филиал».

«Наверное, дороги проектируют», – подумалось. – «И это, безусловно, хорошо. В том плане, что гораздо благородней, чем всякие там «купи-продай». На мой частный вкус, естественно...».

Он надавил подушечкой указательного пальца на приметную ярко-алую кнопку, вмонтированную в дверной косяк.

Через минуту дверь приоткрылась, и смазливая блондинка в коротком летнем платье манерно поинтересовалась, мол: – «Кто? Зачем? Почему? И что надо?».

Иван отрекомендовался.

– Новый начальник заводской «Службы режима»? Вместо уволившегося Дмитрия Васильева? – удивилась блондинка. – Ах, да. Димка же что-то такое говорил – про своего давнего сослуживца, который ужасно разбогател и настойчиво переманивал в свою юридическую компанию... А я – Леночка. Секретарь нашего директора.

– Очень приятно познакомиться... Я могу с ним переговорить?

– С кем – с ним?

– С вашим директором, – уточнил Иван.

– С нею. У нас, знаете ли, директриса... Нет, не можете. Северина Яновна сейчас в отъезде. По делам.

– Тем не менее, хотелось бы посетить ваш офис и лично ознакомиться с тем, как соблюдаются некоторые важные положения, прописанные в договоре аренды. В частности, касаемо противопожарной безопасности. Да и с сотрудниками вашего филиала было бы нелишним пообщаться. Для лучшего, так сказать, понимания текущей обстановки.

– Хорошо, проходите, – недовольно поморщилась сексапильная Леночка. – Покажу вам, так и быть, огнетушители. Шагайте за мной...э-э-э...

– Иван Васильевич.

– Постараюсь запомнить... Вон – под щитом с материалами старого проекта – два огнетушителя стоят. Красненькие такие. В столовой (там некоторые деятели обеда, принесённые с собой, разогревают в микроволновке), ещё один имеется. Также в архиве и в директорском кабинете... А это – пульт противопожарной сигнализации. Зелёненькие лампочки подмиги-

вают. Видите? Значит, работает... С сотрудниками хотите пообщаться? Не густо у нас с этим. Всего-то четырнадцать человек, трое из которых сейчас находятся в плановых отпусках, а ещё трое отъехали на действующий объект, в Усть-Лугу.

– Четырнадцать? – искренне удивился Федосеев. – Почему же так мало? Для такого просторного помещения, я имею в виду?

– Ещё год назад здесь работало девяносто пять сотрудников и сотрудниц. А теперь лишь четырнадцать осталось... Куда остальные подевались? Кого-то сократили. Кто-то сам уволился. Финансовый системный кризис (как любит выражаться наша директриса), спровоцированный «западными» экономическими санкциями. А ещё некоторые говорят, что целая уйма денег ушла на Крым и на Олимпиаду в Сочи. Что-то там ещё. Вот, отечественная дорожная отрасль и погибает: новых-то проектов практически нет, так, сплошные «крохи и слёзы» – по сравнению с прежними «тучными» годами... Значится так. В Дорожном отделе сидят двое молодых людей. Наверняка, в «танчики» играют. Бухгалтерша, как и полагается, в бухгалтерии. Ещё двое – в Отделе продаж и маркетинга: бабушка «Божий одуванчик» внукам носки шерстяные вяжет, а старичок всё по «клаве» пальцами корявыми стучит, типа – очередной роман для «Самиздата» ваяет. По табличкам на дверях ориентируетесь. А я к себе пошла, к телефону: вдруг, кто из Центрального московского офиса позвонит...

– Подождите, Леночка. Нестыковка имеет место быть.

– Какая же?

– Арифметическая. Вы сказали, что вас – четырнадцать. Минус трое отпускников. Минус трое на объекте. Минус вы с директрисой. Шестеро получается, однако.

– Ах, да, – состроила брезгливую гримасу блондинка. – Ещё одна есть – сотрудница... В самом торце расположен кабинет Мостового отдела, – небрежно махнула рукой направо по коридору. – Там она и сидит: скромница и задавака. Только эта «рабочая лошадка» очень не любит, когда её от трудов праведных отвлекают. Всё чего-то там считает и чертит в Автокаде¹, хотя её об этом никто и не просит. Типа – на далёкую и туманную перспективу. Всё, я побежала, Иван...э-э-э...

– Иван Васильевич.

– Вот-вот. Всего вам хорошего...

Естественно, что Федосеев тут же, не теряя времени на всякую ерунду, отправился в Мостовой отдел: подошёл к нужной двери и вежливо постучался – костяшками пальцев правой руки – в светло-бежевую дверную филёнку.

Тишина.

Ещё, выждав секунд десять-двенадцать, постучал.

Вновь – тишина.

– Ладно, проявим упорство, – пробормотал под нос Иван. – Без него, как известно, и удачи не бывает...

Плавню приоткрыв дверь, он вошёл в кабинет. Вернее, в достаточно просторное помещение, заставленное высокими стеллажами с разноцветными картонными папками, разномастными шкафами и письменными столами с компьютерными мониторами. Столов было ровно десять штук, но только самый дальний из них, стоявший напротив широкого окна, был занят.

«Это, слава Богу, она – та рыжеволосая стройная барышня», – мысленно обрадовался Федосеев. – «Лет, наверное, двадцать шесть-семь, одета в потёртые светло-голубые джинсы и стильную тёмно-сиреневую футболку с ярко-алым профилем Эрнесто Че Гевары на левом

¹ – Автокад (AutoCAD) – двух- и трёхмерная система автоматизированного проектирования и черчения.

плече. На голове закреплены маленькие чёрные наушники. Сидит на стареньком офисном кресле «с колёсиками», увлечённо вглядывается в картинку на мониторе и активно бегаёт длинными пальчиками по компьютерным клавишам.

Он подошёл к письменному столу и повторно обрадовался: обручального кольца – на безымянном пальце правой руки – у рыжеволосой сотрудницы Мостового отдела не было.

– Кха-кха! – громко откашлялся Иван.

– Что такое? – сдёрнув с головы наушники, рассердилась девушка. – Я же, кажется, просила – не беспокоить меня во время творческого процесса, – а обернувшись, удивлённо выдохнула: – Это вы?

– Кто – собственно – я?

– Снайпер, умеющий отправлять окурки в урну с семи-восемью метров. Причём, даже не прицеливаясь.

– Это да, умею... Меня, кстати, Иваном зовут.

– Инга.

– Очень приятно. Здравствуйте, Инга.

– Доброго вечера, Иван.

– Не понял, – нахмурился Федосеев. – Сейчас, ведь, только без пяти десять утра.

– Ну, не могу я говорить – «доброе утро», – грустно улыбнулась рыжеволосая девушка. – Извините.

– Почему – не можете?

– Утром надо ехать на эту гнусную и отвратную работу. С Души, честно говоря, воротит, а еду... И «добрый день» говорить не могу. По той же самой причине, так как днём здесь приходится сидеть. А вечера, они по-настоящему добрые: работа-то вечером заканчивается.

– Ничего не понимаю, – признался Иван. – Я же видел, с каким нескрываемым удовольствием – всего-то минутой назад – вы занимались...э-э-э, творческим процессом.

– Так то – творческим... Сейчас никакой работы для мостовиков в нашем филиале нет. А жаль. Да и не предвидится. Вот, я и проектирую – «Мост моей мечты». Чисто для Души. Ну, и как задел на Будущее, которого, очень возможно, может и не быть. Для нашего филиала не быть, я имею в виду. Этим Мостом, кстати, я и дома могла бы преспокойно заниматься, не тратя времени на дорогу – туда и обратно... А вы кто, Иван?

– Новый начальник заводской «Службы режима».

– Дмитрий Сергеевич, всё же, уволился? Понятно... Значит, вы, – прозорливо прищурилась Инга, – из отставных военных?

– Не угадали. Из моряков торгового флота. Почти десять лет отходил по многим морям и океанам нашей древней планеты: сперва в должности штурмана, а потом и в качестве помощника капитана.

– Почему же, если не секрет, сошли на берег? Море разонравилось? Или же мировой финансовый кризис всему виной?

– По состоянию здоровья, – помолчав несколько секунд, признался Федосеев. – Подрался, понимаете, в Антверпене с тремя здоровенными голландцами. В том смысле, что в местном баре, во время краткой стоянки нашего судна. Победил, понятное дело, в конечном итоге. Но один из противников умудрился-таки вмазать мне по носу. Причём, очень сильно и качественно вмазать, сломав какую-то очень важную носовую перегородку. Без неё же, как потом выяснилось, всё совсем плохо: на свежем морском ветру из носа льются такие сопли – только жестяные вёдра, извините за пикантные подробности, успевай подставлять... А зачем, спрашивается, нашему прославленному и легендарному российскому флоту сдались сопливые мореходы? Позорный нонсенс, однако, получается. Шучу, понятное дело...

– Я так и поняла. Продолжайте.

– Слушаюсь, прекрасная сеньорита... Тем не менее, был однозначно списан на берег по состоянию здоровья. Там-то и выяснилось, что операция «по эффективному восстановлению» носовой перегородки – мероприятие, априори, очень дорогое. А откуда у вольного и безалаберного моряка – серьёзные деньги? Вот-вот, согласен. Смешной вопрос... Осел в Калининграде, где у меня наличествует масса верных и проверенных друзей-приятелей. Устроился – с их помощью – на работу в тамошний Уголовный розыск. Отработал полтора года в должности инспектора. То бишь, оперативника. Случайно «оттоптал мозоль» одному криминальному бизнесмену, который, к тому же, являлся местным депутатом. Стали, понятное дело, старательно вытеснять из славных и непогрешимых Рядов. Тут-то я случайно и узнал – об этой вакансии на заводе «Пролетарий». Да и матушка с отцом (я же питерский, двести пятую купчинскую школу заканчивал), давно уже звали назад. Вот и вернулся в родные Пенаты. Доклад закончен.

– Инспектор уголовного розыска? – задумчиво протянула девушка. – Хм. Интересно...

– Что, есть какие-то проблемы... м-м-м, в детективной области? Могу реально помочь.

Обращайтесь.

– Мы же с вами только пять-шесть минут как знакомы... Впрочем, я подумаю.

– Предлагаю – срочно углубить и расширить это наше знакомство, – широко и белозубо улыбнулся Иван. – Может, пообедаем вместе? Ну, и поболтаем – о всяком и разном?

– Извините, но с обедом ничего не получится.

– Почему?

– Не надо так обиженно хмуриться, – посоветовала Инга. – Я же не отказалась – продолжить знакомство. Просто наш совместный обед невозможен. По крайней мере, сегодня. Во-первых, обеденный перерыв у заводчан начинается на полчаса раньше, чем в нашей шараге. А, во-вторых, мне ваша заводская столовая не по карману: у нас зарплату регулярно задерживают на четыре месяца, поэтому я обеды ношу из дома, в пластиковых контейнерах, так гораздо дешевле получается.

– Опять ничего не понимаю...

– Это, извините, в каком же смысле?

– В самом simplest, – неодобрительно покачал головой Федосеев. – Во-первых, работа в этом «ДорНии» вам противна. Во-вторых, регулярно задерживают заработную плату, причём, аж на четыре месяца... Почему же не поискать новое место работы? Более перспективное и доходное? Или же это не представляется возможным – в свете нынешнего системного кризиса, охватившего всю российскую дорожную отрасль?

– Отчего же – невозможно? – горделиво встрепенулась девушка. – Я являюсь достаточно квалифицированным «мостовиком» и, уверяю вас, устроилась бы в приличное место. Если, конечно, занялась бы этим вопросом всерьёз. Просто...

– Да-да?

– Просто моё природное любопытство всему виной. Существует – в пределах нашего филиала – одна загадочная тайна, которую мне очень хочется разгадать. Ну, очень-очень-очень. До острых желудочных колик, образно выражаясь... Давайте, Иван, встретимся после работы возле «третьей» заводской проходной? Погуляем немного, и я вам всё расскажу. Согласны?

– Безусловно и с удовольствием.

– Только вам придётся немного подождать. У заводчан рабочий день заканчивается на полчаса раньше.

– Не вопрос, подожду... Может, уже перейдём на «ты»?

– Вот, когда встретимся после работы – тогда и перейдём...

Иван выехал в положенное время (на подержанном тёмно-сером «Опеле»), с территории завода «Пролетарий», тихонько бормоча под нос:

– Ресницы глаз таинственно дрожат. И вслед дрожит им сердце – одиноко. Нас ждёт – всегда – Прекрасное Далёко. Ресницы глаз – таинственно – дрожат... Неужели я влюбился? Причём, всерьёз и по полной программе? Неисповедимы Пути твои, Господи...

Он доехал до станции метро «Ломоносовская», купил там – в цветочном павильоне – букет из пяти алых роз, вернулся обратно к заводу, припарковался возле «третьей» проходной, расположенной в Железнодорожном проезде, вылез из машины и закурил.

Стоял на тротуаре рядом с металлическим забором, за которым таинственно шумели деревья старого парка, курил, сжимая в ладони другой руки букет, и размышлял: – «Странная такая встреча. Пообщался с девушкой минут двенадцать, не больше. С совершенно обыкновенной девушкой – худенькой, невысокой, курносой, с целой россыпью рыженьких веснушек на лице. А сердце до сих пор бьётся в учащённом режиме. Может, во всём виноваты её глаза: небесно-голубые, пронзительные, внимательные и очень-очень умненькие? И невероятно-пушистые ресницы? Может... Странная встреча? Скорее, уж, просто судьбоносная...».

Неожиданно за его спиной – с территории парка – раздался-долетел протяжный вой: низкий, тоскливый и утробный. А ещё – полный нечеловеческой тоски и лютой ненависти...

Глава вторая

Первая прогулка по «Парку сказок».

Вой был недолгим и уже через пять-шесть секунд резко оборвался, но проняло до самых костей.

– Чёрт знает, что такое, – нервно передёрнув плечами, буркнул Иван и, непроизвольно оглядываясь в сторону парка, перешёл на другую сторону Железнодорожного проезда.

Перешёл и чуть не столкнулся с секретаршей Леночкой, вышедшей из «третьей» заводской проходной.

– О, Иван... м-м-м, Васильевич, – обрадовалась блондинка. – Не меня ли – с букетом наперевес – дожидаетесь?

– Извините, но не вас, – слегка стушевался Федосеев.

– Понятное дело... Значит, нашу Мышку-тихоню? Угадала? То-то я смотрю – наш новый симпатичный начальник «Службы режима» подзадержался в Мостовом отделе. А потом, в другие отделы так и не заглянув, испарился. Чудеса в решете...

– Вы не верите в Любовь с первого взгляда?

– Совсем не верю, – став очень серьёзной, подтвердила Леночка. – Любовь, на мой взгляд, должна быть осознанной, взвешенной и выверенной. То есть, с чёткими последствиями и тщательно-продуманными перспективами... А вы, Иван... э-э-э, Васильевич, являетесь робким человеком?

– Почему вы так решили?

– Ну, как же. Вы, заслышав эти дурацкие завывания, уже порядком надоевшие всем и вся, так активно ломанулись от парка, что чуть с ног меня, бедняжку хрупкую, не сбили.

– Это, поверьте, просто от неожиданности, – криво усмехнулся Иван. – Первый раз услышал этот утробный вой, вот и отошёл от парка. Так, чисто на всякий пожарный случай... Это так какой-то старенький и замшелый аттракцион верещал? То бишь, его бесконечно-усталые шестерёнки и прочие изношенные механизмы?

– Аттракционы здесь, увы, не причём.

– Что же тогда это выло? Или кто?

– Неизвестно, – интригуяще подмигнула блондинка. – Никто, похоже, толком не знает. Так, лишь одни неясные слухи и расплывчатые предположения. Одни знатоки рассказывают, что это, мол, так воют бесконечно-несчастные Приведения и Призраки, заточённые в тайных подземельях – парк-то старинный, в нём и фрагментов от всяких древних фундаментов хватает. Почему же тогда и подземельям не быть? Другие доморощенные эксперты утверждают, что это здешние хулиганствующие подростки, самоутверждаясь, дурью маются... Существует ещё толковая версия о жёсткой конкурентной борьбе, мол, это коварные менеджеры других парков «культуры и отдыха» стараются, переманивая потенциальных клиентов к себе. Сейчас мода такая – проводить летние «корпоративы» в парках с разнообразными аттракционами. А зачем уважающим себя бизнесменам сдались парки с дурной репутацией? Вот, то-то же. В том плане, что и на фиг не сдались... Как менеджеры конкурентов этот утробный вой организуют? То есть, воспроизводят? Мне один близкий друг, работающий в ФСБ, недавно рассказывал, что нынче всяких хитрых-хитрых штуковин существует – без счёта. Например, по аллее парка идёт неприметный молодой человек и пытается прикурить сигарету от зажигалки. Но та, как назло, не работает, мол, щёлк-щёлк-щёлк, а пламени нет. Юноша, выругавшись, отправляет зажигалку в ближайшую парковую урну и шагает дальше. Только это и не зажигалка, вовсе, была, а специальный хитрый приборчик, в пластмассовый корпус которого некие умельцы вмонтировали крохотный магнито-

фон, источник питания и усилитель звука. В заданный момент прибор начинает работать, то бишь, угрожающе, противно и очень громко завывать... Почему вой, по факту, такой короткий? В большинстве случаев – секунд шесть, и лишь иногда – восемь-десять? Я думаю, что из соображений перестраховки, чтобы работники парка не смогли бы оперативно обнаружить его источник... А после завершения каждого такого сеанса (как считает мой близкий друг), каждый конкретный приборчик самоликвидируется. Это в том смысле, что крохотный магнитофон, источник питания и усилитель звука мгновенно превращаются в мельчайшую серую пыль, невредимым же остаётся лишь безобидный пластмассовый корпус... Как бы там ни было на самом деле, но количество посетителей парка «имени Бабушкина» за последние три с половиной месяца (именно три с половиной месяца назад эти завывания и начались), уменьшилось раз в семь-восемь. Может, и больше. А выгодные «корпоративы», и вовсе, не проводятся. Негативные слухи, они, как правило, очень быстро распространяются по городу. Практически мгновенно... Обращалась ли администрация парка в полицию? Не знаю, врать не буду. Я бы на их месте, честно говоря, наняла бы опытного частного детектива. Вот.

– Спасибо, Леночка, за актуальную и своевременную информацию, – вежливо поблагодарил Федосеев. – Вы – само совершенство: буквально-таки всё разжевали и по полочкам разложили.

– Не за что, – горделиво улыбнулась девица. – Работа у нас, секретарш, такая. Заходите ещё, Иван... м-м-м, Васильевич. Буду рада... Всё, за мной приехали, – небрежно махнула рукой в сторону солидного угольно-чёрного «Мерседеса», плавно припарковавшегося метрах в семидесяти от «третьей» проходной. – До свидания.

– Всех благ...

Девица, помахав на прощание правой ладошкой, уселась в автомобиль, и он, грозно рыкнув, укатил.

«На лицо, что называется, очередная местная странность», – мысленно констатировал Иван. – «Леночка – барышня молоденькая (года двадцать три-четыре, не больше), симпатичная и ухоженная. У неё близкий друг в ФСБ работает, а с работы «Мерседес» представительского класса забирает... И что она, интересно, позабыла в этом полумёртвом ОАО «ДорНии», где даже зарплату регулярно задерживают на четыре месяца? Головоломка, блин горелый, иначе и не скажешь...».

Через пять минут из проходной появилась Инга и, смущённо улыбувшись, зачастила: – Извините, Иван, слегка заработалась, увлеклась, окунулась в проектирование с головой и, естественно, обо всём на Свете позабыла. В том числе, и о назначенной встрече. Со мной такое бывает. Раньше постоянно случалось, а теперь, к счастью, только изредка...

– Извини, – прервал её Федосеев.

– Что?

– Мы же договаривались, что, встретившись после работы, переходим на «ты».

– Ах, да... Извини, пожалуйста, что слегка задержалась... Розы? Это мне?

– Конечно, держи... Что тут такого? Разве тебе никогда не дарили цветов?

– Много раз дарили, – принимая букет, призналась девушка. – Только очень и очень давно. Что называется, до «новой эры».

– И что это за эра такая? Если, конечно, не секрет?

– Называется – «Мостостроение». Короче говоря, увлеклась я проектированием мостов (до полного фанатизма увлеклась), и всё другое, вдруг, стало пресным, пустым и неинтересным. Молодой человек назначает свидание – соглашаюсь, но забываю прийти. Другой зовёт в кино – отказываю, мол, скуотища. Ну, и так далее. Вот, все кавалеры-ухажёры, в конеч-

ном итоге, и разбежались... Потом, года через три, пелена постепенно спала. А нет рядом никого, некому в кино и на свидания приглашать...

– У меня здесь машина, – сообщил Иван. – Вон та, тёмно-серенькая... Может, прокатимся куда-нибудь? Например, до ближайшей симпатичной кафешки?

– Машина? Ты же говорил, что бедный, мол: – «Откуда у вольного и безалаберного моряка – серьёзные деньги?». Или же на «ментовском» калининградском поприще удалось подзаработать?

– Нет, не удалось. Даже должен кое-кому остался... А машина, она папина и старенькая. Вернее, старенький – раз «Опель». По доверенности езжу... Так как, прокатимся?

– Лучше немного пройдемся, – кивнув рыжеволосой головой в сторону парка, предложила Инга. – Свежим воздухом подышим, поговорим, на карусели покатаемся. Там, кстати, и приличная кафешка имеется, если ты проголодался.

– А не страшно?

– Что, недавно выло?

– Ага, – невольно передёрнувшись, подтвердил Федосеев. – Минут пятнадцать тому назад. Очень зло, тоскливо и многообещающе. И как-то... м-м-м, не по-здешнему...

– Мы (я арендаторов и работников завода имею в виду), сперва тоже себя неуютно чувствовали. Утром идёшь от метро через парк к «Пролетарию», а тут – где-то совсем рядом – оно. То есть, ужасный вой. Сердце невольно в пятки уходит, и мелкие колючие мурашки шустро бегут по спине... И все, естественно, стали от метро к заводу (и обратно), в обход ходить, закладывая приличный крюк. А потом постепенно привыкли, мол: – «Собака лает, но не кусает. И чего её бояться?», и вернулись на прежний маршрут. Не все, конечно, но многие.

– Понятное дело, конкурентная «парковая» борьба в действии, и не более того.

– Сам догадался?

– Нет, честно говоря. Тут до тебя ваша блондинистая секретарша проходила, вот, она и изложила целую кучу предположений – относительно происхождения этих регулярных завываний. Включая версию о происках коварных конкурентов «Бабушкиного» парка. Симпатичная, надо признать, версия.

– Симпатичная, – согласилась Инга. – А Леночка?

– Что – Леночка?

– Она – симпатичная?

– Вот, уж, и нет. Смазливая, сексапильная и ухоженная – да. А ещё очень рассудительная, прагматичная и целеустремлённая, что, согласишься, с термином-понятием «симпатичная» сочетается достаточно плохо.

– А я?

– Ты, безусловно, симпатичная, – торжественно объявил Иван. – Потому что очень тоненькая, славная, умненькая и мечтательная. Ещё «Мост своей мечты», позабыв о всякой бытовой ерунде, проектируешь. А это – дорогого стоит.

– Хватит комплиментов, – пряча лицо в букете цветов, засмушалась девушка. – Даже в краску вогнал: щёки так и горят.

– О, ребятки! – раздался сзади звонкий голосок. – Уже с цветочками... Шустры вы, господин новый начальник «Службы режима». Шустры, ничего не скажешь...

Федосеев обернулся: из заводской проходной вышла и остановилась рядом с ними невысокая шатенка лет тридцати с небольшим.

– Это наш главный бухгалтер, – пояснила Инга.

– Марина, – изобразив лёгкий книксен, представилась шатенка.

– Иван.

– Я знаю.

– Откуда, если не секрет?

– На заводе «Пролетарий» любой новый симпатичный мужчина тут же берётся на учёт, – многозначительно улыбнувшись, сообщила бухгалтерша. – Женщинами и девушками, работающими на территории означенного завода, я имею в виду... Всё, побежала: дочку надо забирать из детского сада, опаздываю. А вам, перспективная парочка, хорошей прогулки.

– Спасибо.

Марина – быстрым шагом – ушла.

– Она у нас мать-одиночка, – пояснила Инга. – Муж три с половиной года тому назад повесился. Почему – неизвестно... Маринка, она очень опытный бухгалтер и хорошую работу – без задержек по выплате зарплаты – нашла бы с лёгкостью. Но живёт рядом с заводом, и дочку сама по утрам в детский садик водит, а по вечерам забирает. Привязана, то бишь, бытовыми обстоятельствами к этому району, где с работой откровенно туго... Прогуляемся?

– Веди, мечтательная «мостовичка»...

Они перешли через Железнодорожный проезд и зашагали, слегка касаясь плечами, вдоль металлического забора.

Рядом с непонятным куполообразным зданием обнаружили, несмотря на август месяц, несколько больших куч бело-серого льда. А из самого здания донёсся целый набор странных звуков: непонятные глухие стуки, звонкие щелчки и длинный скрежет.

Ещё чей-то грозный голос – через приоткрытую прямоугольную форточку в стене – известил:

– Прекращайте отлынивать, рожи! Работайте-работайте! Ещё активней, так вас всех и растак... Сазонов, на лавку мерзавца посажу!

– Это – круглогодичный крытый каток, – пояснила Инга. – На нём, в основном, хоккеем с шайбой занимаются: утром и днём всякие секции – разных возрастов – тренируются, а по вечерам взрослые мужики вспоминают свою спортивную юность... Вместе с тем, отмечу, что к злосчастному вою данное почтенное заведение никакого отношения не имеет – его источник (то есть, источники), всегда располагается в другой стороне.

Через семьдесят-восемьдесят метров они повернули налево и, пройдя мимо автостоянки для посетителей ледового катка, подошли к второстепенному входу в парк: над распахнутой настежь кованой калиткой были закреплены – на специальном щите – крупные разноцветные буквы.

– «Парк Сказок», – озвучил Иван. – Странно. Я всегда думал, что данный парк является «Бабушкиным». То бишь, разбит в честь какого-то там заслуженного революционера Бабушкина.

– Разбит – в честь революционера? – недоверчиво хмыкнула Инга. – Это ты так прикалываешься? Или, действительно, такой тёмный, хотя и питерский?

– Дык...

– Ага, понятно. То есть, ты ничего не знаешь – ни про этот парк, ни про его славную историю?

– Ничего не знаю. Ничего и даже меньше, – повинился Федосеев. – Откуда мне знать про всё это? Ну, ты сама подумай. Я же купчинский пацан. Про родимое Купчино чего хочешь расскажу: что было и чего не было, в том смысле, что всяческие красивые легенды – правдивые и не очень... А этот парк? Насквозь чужая, так сказать, территория... Не, я знал, конечно, что он существует, но никогда в нём не был. Во времена моей беспутной юности было не принято – выходить (без веских на то причин), за пределы своего района... Может, просветишь – про историю «Бабушкиного» парка?

Они медленно шли по практически безлюдной парковой аллее, прихотливо петлявшей между различными аттракционами и прочими «развлекательными зонами», и Инга увлечённо рассказывала:

– Парк, по которому мы сейчас с тобой гуляем, является одним из старейших культурно-зелёных массивов Невского района. Когда он был заложен-разбит-обустроен? Точно никто не скажет. Но однозначно – во Времена Екатерины Второй. Уже ближе к концу её славного правления где-то в этих местах, рядом с Невой, для Императрицы был возведён деревянный охотничий замок. Без дураков – охотничий: тогда в здешних болотистых лесах и различной дичи много водилось, а на невских заводах – во время перелётных сезонов – останавливались на отдых гигантские стаи гусей, лебедей, казарок и уток. Из серии: – «Охотья – не хочу...». За Екатериной, как водится, подтянулись и многие знатные вельможи её Двора: исторические документы свидетельствуют, что рядом с императорским охотничьим замком располагались дачи Куракина, Чернова и Апраксина. Причём, дача князя Василия Чернова находилась практически в центре этого парка... Дача? Это очень скромно сказано: самый натуральный маленький дворец, даже с каменными колоннами по фасаду. Говорят, что несколько этих колонн до сих пор лежат где-то в парке. Под землёй, естественно, лежат, как и блоки фундамента княжеской дачи... Кстати, про самого сиятельного князя в те стародавние Времена упорно ходили не хорошие слухи, мол, с Тёмными силами по ночам знается-якшается. А современные историки утверждают, что князь Василий был искусным алхимиком, принадлежал к какой-то тайной масонской ложе и именно на этой своей даче, где была обустроена большая профильная лаборатория, всякие алхимические опыты и ставил... Время шло. Одни старинные постройки сгорали в жарких пожарах, другие постепенно разрушались от старости, но парк, который в девятнадцатом веке именовали – «Вена», продолжал жить своей жизнью, даже не смотря на то, что рядом с ним было выстроено несколько крупных заводов и фабрик. С 1888#го года в парке начали устраивать народные гуляния для рабочих окрестных промышленных предприятий. Причём, эти гуляния пользовались у здешних народных масс неизменной популярностью: в «Вену» приходили целыми рабочими слободками... В 1891#ом году парк выкупило «Невское общество народных гуляний», в Уставе которого была обозначена главная цель этой организации, а именно: – «Доставлять рабочему населению Санкт-Петербурга нравственные, трезвые и дешёвые развлечения...». Общество – в соответствии с Уставом и по согласованию с владельцами ближайших заводов-фабрик – регулярно устраивало-проводило массовые народные гуляния, чтения, концерты, театральные спектакли и даже танцевальные вечера. Тогда на территории парка находилось четыре здания. Самое большое – театр на триста мест, в котором гастролировали провинциальные труппы, а также давали концерты студенты столичной Консерватории. Здесь же проводились танцевальные вечера. За год – в среднем – в «парковом театре» давалось до двадцати спектаклей и концертов... Летом на открытой сцене выступал военный оркестр сапёрного батальона и оркестр пожарной команды Александровского механического завода. Ещё в парке регулярно устраивались гулянья с «катательными» горками, каруселями, панорамой, детскими аттракционами, «гигантскими шагами» и площадкой для игры в «городки». Здесь же, в отдельном здании, располагалась «народная читальня» Невской заставы. Книги в читальню жертвовали как крупные издатели, так и известные представители санкт-петербургской интеллигенции... Дела у «Невского общества народных гуляний» шли просто замечательно, с размахом, о достигнутых им успехах (по просвещению рабочих и их семей), неоднократно писали в городских газетах и даже докладывали царю. В результате, на благоустройство «Вены» были выделены дополнительные государственные финансы, и в самом конце девятнадцатого века здесь было построено новое просторное кирпичное здание с театральным залом аж на тысячу шестьсот посадочных мест. Солидно – даже по нашим продвинутым Временам. Это был один из первых «Народных

домов», где простые местные жители познакомились (за символическую плату), с русской театральной классикой и даже ставили собственные любительские спектакли... Что это ты, господин отставной помощник капитана дальнего плавания, так неодобрительно качаешь головой?

– Неожиданно всё это как-то. Твоя развёрнутая информация, я имею в виду, – признался Иван. – Нам-то всегда внушали, что в царской России несчастных рабочих всегда нещадно эксплуатировали, чморили, копейки платили и за людей не считали. Мол, именно из-за этого и произошла знаменитая Октябрьская революция. А тут, понимаешь... Оказывается, что рабочим даже специальные парки за государственный счёт оборудовали – с театрами, танцевальными площадками, каруселями, качелями и библиотеками. Блин горелый... Да, правильно говорят, что большая политика – дело грязное. Да и маленькая – так же. Ненавижу всех этих (и современных, в том числе), политиканов, депутатов и политологов. Говорят одно, делают совсем другое, а в головах у них всегда – третье. Ладно, проехали... И что случилось с парком дальше?

– Ничего хорошего, честно говоря, – грустно вздохнула девушка. – В недобром 1904#ом году началась русско-японская война, и в стране всё-всё изменилось. Не до парков, народных гуляний и «просвещения рабочих» стало: война, она и есть – война. После этого была революция 1905#го года. Потом началась Первая Мировая Война, постепенно переросшая в Октябрьскую революцию – со всеми вытекающими последствиями... Только в 1925#ом году советские Власти вспомнили о парке. Первым делом, его преобразовали в «Сад имени Ивана Васильевича Бабушкина». А после этого принялись закреплять «сад» за разными заводами и райисполкомами, превратив этот процесс в самую натуральную чехарду. Тем не менее, «сад» – пусть и через пень-колоду, – но заработал. Только не дотягивая, конечно, до былого «царского размаха». Так, чисто для «галочки», мол: – «Забота о быте пролетариата – дело наиважнейшее, как нас учил великий товарищ Ленин...». Во время Великой Отечественной Войны большинство строений, находившихся на территории «сада» были разбомблены, да и деревья сильно пострадали. Но в 1946#ом году, вспомнив о славной истории этого объекта, было принято решение о возрождении «Парка культуры и отдыха имени И. В. Бабушкина». Из серии: – «Как можно начинать серьёзные работы на объекте, предварительно не сменив его названия?». На сегодняшний день «Парк Сказок» (это его второе, неофициальное, так сказать, название), представляет собой зелёный массив общей площадью в четырнадцать гектар. Преобладающими древесными породами в парке являются тополь, дуб, липа, берёза, ясень, клён и рябина. Есть деревья, которым больше ста пятидесяти лет. Из кустарников высажены, в основном, акация, шиповник, орех, жасмин и сирень... Теперь по сегодняшнему «оснащению» парка. Из аттракционов выделяю: классические карусели в ассортименте, «Колесо обозрения» диаметром в тридцать семь с половиной метров, детские «американские горки», «зорбодром», «Дискавери» и «паравозик». Кроме того, здесь функционируют и так называемые «зоны развлечения»: батуты для прыжков, тир, «верёвочный» парк, площадка для картинга, искусственный водоём с прокатом лодок и «водных трамвайчиков», площадка для пейнтбола, круглогодичный крытый каток и крытое футбольное поле. Есть в парке шикарный ресторан (говорят, что с сауной), и парочка уютных кафешек. А ещё везде расставлены разномастные скульптурки, изображающие знаменитых сказочных персонажей. Вон, к примеру, семеро гномов с Белоснежкой.

– Как ты много знаешь о «Бабушкином» парке... Из-за жгучего природного любопытства?

– Не совсем. Видишь ли, тайна, которую я пытаюсь разгадать, напрямую связана с этим парком...

Парковую тишину вновь прорезал тоскливый и – одновременно с этим – плотоядный вой. Прорезал, повисел – тревожной аурой – секунд пять-шесть, а потом затих.

– Откуда он прилетел? – с любопытством вертя головой по сторонам, спросил Иван.
– Кажется, из-за «Колеса обозрения».

– То есть, со стороны Невы?

– Ага, оттуда, там есть неухоженная часть парка, заросшая травой и сорняками, – подтвердила Инга, а после этого обеспокоенно забормотала: – Чёрт, только этого мне и не хватало. Не хотелось бы, честно говоря, попадаться ей на глаза... Что делать?

По гравийной дорожке аллеи – им навстречу – брела, опираясь на массивную трость, пожилая высокая женщина, одетая во всё чёрное.

– Садимся на лавочку, – велел Федосеев. – Быстрее... А теперь обними меня.

– Зачем?

– Будем целоваться. Так герои – в фильмах про шпионов – всегда делают. Ну, чтобы скрыть свои лица от всяких подозрительных и нежелательных прохожих...

Поцелуй откровенно затянулся.

Наконец, Инга, уперев острые кулачки в грудь Ивана, отстранилась и, стыдливо отводя глаза в сторону, смущённо пробормотала:

– Ерунда какая-то...

– Ничего и не ерунда, – не согласился с ней Федосеев. – Мне, например, очень понравилось... Кстати, а почему ты так опасаясь эту старушеницу в чёрном, прошедшую мимо нас?

– Никакая это и не старуха, – вздохнула девушка. – А наша директриса Северина Яновна Таболина – собственной подозрительной персоной. Только, естественно, загримированная...

– Ничего себе – повороты поворотистые... Это она и есть – тайна, которую ты жаждешь разгадать? Мол, для чего почтенная директриса филиала – в загримированном виде – шастает по «Парку Сказок»?

– Тайна? Только её составная часть.

– Пора выслушать твою историю, – решил Иван. – Причём, подробно и в деталях... И где здесь – симпатичная кафешка?

– Возле центрального входа. Пошли, покажу...

Кафе называлось – «Ели-пили». Было и второе название (на отдельной табличке), видимо, с финским акцентом – «Елли-пилли».

Они устроились под одним из десяти летних «грибков». Других посетителей-клиентов – под «грибками» – не было.

Федосеев сделал заказ, так ничего особенного: два салата «Цезарь», два шашлыка из молодой баранины, два эклера с заварным кремом и литр апельсинового сока. Вообще-то, он с огромным удовольствием и пивка заказал бы, да отцовский «Опель» «руки вязал».

Салаты, сок и эклеры молоденькая официантка доставила через пять-шесть минут, а ловко сгрузив принесённое с прямоугольного подноса, сообщила:

– Шашлыки придётся с полчаса подождать, технология такая – на самых настоящих углях, как-никак, готовятся...

Официантка ушла.

– Управишься, свет очей моих, за полчаса? – спросил Иван.

– Постараюсь, – пообещала Инга.

– Тогда кушай салат, запивай его соком и рассказывай. Только, пожалуйста, подробно и вдумчиво.

– Хорошо, приступаю...

Глава третья

Загадочная директриса

Всё началось в июле прошлого года.

Павла Сергеевича Новика, тогдашнего директора Санкт-Петербургского филиала ОАО «ДорНии» срочно вызвали в Москву – на внеочередной Совет директоров.

– Быть беде, – вещала в обеденный перерыв Маринка Залеская, исполнявшая обязанности главного бухгалтера филиала. – Снимут нашего Новика с должности. Как пить дать – снимут. Выпрут коленом под тощий зад и, что характерно, даже «спасибо» не скажут.

– За что – выпрут? – с аппетитом поглощая столовскую «селёдку под шубой», недоумевала Инга. – Пал Сергеич, он же очень хороший. Специалист опытный, в проектировании целой кучи дорог федерального значения принимал участие. В Государственную экспертизу вхож. А в молодости, когда был приписан к военному ведомству в звании подполковника, и всякие супер-секретные аэродромы – для стратегической авиации – строил. Говорят, что и к модернизации Байконура (в плане подъездных дорог), руку приложил. И в мостах разбирается... И как человек он просто замечательный. С молодёжью постоянно возится. Профессиональные кадры буквально-таки по крупницам собирает... За что его увольнять, а?

– За что, за что... По итогам прошедшего полугодия нашему филиалу двадцатимиллионный убыток насчитали. Вот, за это самое и покарают – по полной и расширенной программе, и жалости не ведая.

– Как это – насчитали? Я всегда была уверена, что бухгалтерия – наука точная. Мол, всё как есть – так и считает.

– Наивная ты у нас, Мышка, до полной невозможности, – приступая к пюре с куриной котлетой, фыркнула бухгалтерша. – Считать-то можно по-разному: тут считай, там не считай, тут плюсуй, там минусуй, а здесь, и вовсе, дели и разбрасывай.

– Как это – разбрасывай?

– Элементарно и сугубо по команде высокого руководства... Например, за прошедшие полгода уважаемые члены Совета директоров нашего славного ОАО «ДорНии» получили – в качестве текущего вознаграждения, предусмотренного Уставом, – порядка девяноста шести миллионов рублей.

– Так много? – искренне удивилась Инга. – На пятерых? Это же, м-м-м, получается..., получается... Три миллиона рублей в месяц на человека? И даже чуть больше?

– А ты думала, милочка моя. В Совете директоров заседать (максимум – один раз в месяц), это тебе не пятидесятикилограммовые мешки с цементом ворочать. И даже не надёжные мосты через полноводные реки проектировать. Это, блин горелый, понимать надо. Серьёзная такая работа. А главное, очень нужная. Нужная-нужная-нужная. Нужнее, просто-напросто, не бывает... Короче говоря, все эти девяносто шесть миллионов (в виде затрат), были успешно «разбросаны» между восемью филиалами. В равных долях «разбросаны»? Или же пропорционально списочным составам работников? Размечталась, дурилка картонная. Как всё тот же Совет директоров решил-постановил, так и «разбросали»... А содержание ЦА? Центрального Аппарата нашего Общества, то бишь? Они же денег не зарабатывают. Ни копейки. Зато тратят, сукины дети, не приведи Господь. Особенно на Фонд заработной платы. Должностей разных наплодили – упасть и не встать: Генеральный директор, исполнительный директор, операционный директор, финансовый директор, директор по региональному развитию, руководитель департамента по связям с общественностью, главный инженер, его три заместителя, ну, и так далее... А должностные оклады у всей этой начальственной братии – просто закачаешься. Как же иначе? Мол, Москва –

город дорогой для бытовой жизни. И все они, между прочим, с заместителями, помощниками, секретаршами, референтами и шофёрами. Я уже молчу про начальников многочисленных отделов... А бухгалтерия? В ЦА целых шесть бухгалтеров трудится. Что они, интересно, там делают? Мы с Натальей Ивановной, например, и вдвоём прекрасно справляемся... Да и других «не кислых» расходов у Центрального аппарата хватает: всякие там презентации, конференции, конгрессы и выставки. Плюсом офигительные командировочные расходы: надо же и филиалы с регулярными проверками-выволочками посещать, и за рубеж наведываться, типа – опыт прогрессивный впитывать.

– И все эти затраты ЦА тоже «разбрасываются» между филиалами?

– Естественно, – подтвердила Маринка. – Пододвинь-ка, Мышка, ко мне стакан с компотом. Благодарствую... А потом эти уроды московские ещё и удивляются, мол: – «Откуда это у вас, периферийные подчинённые, образовались такие колоссальные убытки?». Заразы обнаглевшие, зажравшиеся и бессовестные... Не понимаю, зачем, вообще, нужен этот ЦА? Ну, хоть убей. Пользы от него – ноль без палочки. Зато головной боли – выше шпиля питерского Адмиралтейства...

И это было горькой правдой: филиалы и заказы сами находили, и проектные работы выполняли самостоятельно, без реальной помощи из Москвы. Но, тем не менее, все заработанные деньги неизменно уходили на центральный расчётный счёт, откуда уже – усилиями работников ЦА – частично возвращались в филиалы. Очень частично. Бред голимый и законченный, короче говоря...

Павел Сергеевич вернулся из Москвы через двое суток, в четверг, собрал трудовой коллектив филиала – в обеденное время – в «Бабушкином» парке и сообщил:

– Увольняюсь я, ребятки, с понедельника.

– Как же так, Сергеич? – растерянно загомонили сотрудники и сотрудницы. – Почему? Зачем? Шутка юмора такая?

– Никаких шуток, – скорбно вздохнув, заверил Новик. – В Москве экстренно сменился Совет директоров. На сто процентов сменился. А его новый состав настроен – решительно и однозначно – на введение жёсткого режима тотальной экономии, мол: – «Убытки необходимо решительно сокращать и выходить – в наикратчайшие сроки – на положительные финансовые результаты...». То бишь, массовые сокращения грядут. Нашему же филиалу строго предписано – «ужаться» (на первом этапе), на пятьдесят процентов списочного состава. А ещё был сделан однозначный намёк, что и второй этап будет, и третий... Ну, не могу я собственными руками разрушать то, что сам – за прошедшие годы – и выстроил. Я же вас всех, братцы, так долго и вдумчиво собирал и подбирал: дорожника к дорожнику, изыскателя к изыскателю, мостовика к мостовику. Эх, да что тут долго говорить. Пускай вас кто-нибудь другой разгоняет и сокращает, без меня...

– Разве нет иного выхода из создавшейся ситуации? – удивилась Инга. – Я выход на прибыльность имею в виду... Может, просто стоит, не проводя кадровых сокращений, заключить дополнительные Контракты? То есть, увеличить объёмы изыскательских и проектных работ?

– Не получится ничего, Мышка: ни заключить, ни увеличить.

– Почему – не получится?

– Новостей по телевизору не смотришь? Новостные сайты в Интернете не посещаешь?

– Нет, не смотрю и не посещаю, времени нет на всякую ерунду. Я мосты проектирую.

– Молодец, конечно, – похвалил Павел Сергеевич. – Любимая работа, она превыше всего. Спора нет... Поэтому просвещаю: и тебя, Мышка, и всех прочих сотрудников филиала – телевизор игнорирующих. Тяжёлые Времена настали – для страны в целом. Ну, понятное дело, кроме олигархов, банкиров, чиновников, воров «в законе», жуликов всех мастей,

строителей финансовых пирамид и прочих ушлых элементов. Тяжёлые, в частности, для нас, дорожников... Почему – тяжёлые? Во-первых, говорят, что государственный бюджет нашей России оскудел: мол, «западные» финансовые санкции, резкое ослабление рубля, затраты на Крым и Олимпиаду в Сочи, саммиты всякие, грядущий чемпионат Мира по футболу, коренная модернизация российской армии, что-то там ещё... Во-вторых (и это факт), в последние годы было запроектировано много дорожных объектов, что называется, впрок. И капитальных ремонтов, и коренных реконструкций, и новых магистралей. К примеру, проект реконструкции конкретного дорожного участка стоит порядка пятидесяти миллионов рублей. Деньги выделили, разыграли тендер, победитель тендера – с соблюдением всех-всех-всех требований – проект разработал и даже успешно защитил его в Государственной экспертизе. Казалось бы, всё отлично и просто замечательно: можно конкретную дорогу спешно ремонтировать и реконструировать. Ан, нет. Не тут-то было. В проекте (прошедшем через Государственную экспертизу), обозначена стоимость данной реконструкции, к примеру, в два миллиарда рублей. Бюджет же Заказчика, сверстанный заранее и без учёта реальной инфляции, предусматривает только полтора миллиарда. А бюджет, как известно, это вам не портянка армейская, заскорузлая. Его, блин горелый, хочешь, не хочешь, но выполнять надо. Причём, без серьёзных нарушений. Кому хочется – по формальным признакам-причинам – лишиться «хлебного» места? Никому, ясен пень, не хочется... Следовательно, данный вопрос подлежит дополнительному согласованию и утверждению в Высших (Правительственных), инстанциях. И согласования-утверждения эти могут длиться, как показывает практика, годами. Поэтому и вопрос с конкретной реконструкцией – на годы согласований – откладывается... Но в бюджете Заказчика, тем не менее, заложено ещё пятьдесят миллионов рублей на проектирование ремонта другой дороги. Бюджет – дело святое. Непременно будем проектировать... Ну, оно и получилось – «перепроектирование». Лет так на пять-шесть. С опережением графика, сотрудники, идём. Только за это, увы, нас никто не похвалит. Наоборот, сократят. И не только нас (то есть, вас), но и работников других «дорожных» проектных организаций по всей стране. Как-то так. Реалии – вещь серьёзная...

На следующий день, в пятницу, в питерский филиал прилетел из Москвы новый Председатель Совета директоров ОАО «ДорНии» – представительный и дородный мужчина, работавший ранее (как любезно подсказал всезнающий Интернет), какой-то «крупной шишкой» в Департаменте культуры московской мэрии.

– Нам только «культурных» деятелей – для полного и окончательного счастья – не хватало, – ворчала склочная Маринка. – Так их всех и растак... А заметила, Мышка, как новый Председатель заинтересованно и похотливо взирает на нашу красотку Леночку? Вернее, на её длинные и стройные ножки, только формально прикрытые короткой юбочкой? Нашли, блин непропечённый, понимаешь, кому доверить проектирование дорог. Теперь-то оно, конечно, всё изменится – самым кардинальным, волшебным и невозвратным образом. Ого-го-го, только держись, босота. Совсем скоро, и оглянуться не успеешь, как все российские деревенские улочки и переулки будут в асфальт, мать их деревенскую, закатаны...

А ещё вместе с новым московским начальником прибыла приметная дама «чуть-чуть за сорок»: высокая, стройная, черноволосая, ухоженная, элегантная и слегка манерная.

– Графиня потомственная, блин, – прокомментировала ехидная бухгалтерша. – То бишь, фифа пафосная, надменная и сексуально-озабоченная.

– Почему ты решила, что потомственная? – заинтересовалась Инга. – И почему – озабоченная?

– В Эрмитаж, Мышка, почаще надо ходить, – посоветовала Маринка. – И в Русский музей. Там на старинных картинах много таких «графинь» изображено: с длинными стройными шеями, классическими греческими носами и с общей чернявостью облика.

Да и элементарной женской стервозности в данной приметной особе, скорее всего, хватает. По наглым тёмно-карим глазам видно. Причём, за версту... Сексуальная озабоченность? И глазёнки – быстрые-быстрые такие – сразу выдают. И игривое декольте. А пикантный разрез на узкой чёрной юбке (чуть ли не до пупа), это только – однозначно и стопудово – подтверждает. Чтоб мне «Дом#2» больше никогда не смотреть...

Вскоре новый Председатель Совета директоров объявил (через секретаршу Леночку, естественно), о внеочередном собрании трудового коллектива, на которое были приглашены все руководители «среднего звена» и ведущие сотрудники Санкт-Петербургского филиала ОАО «ДорНии». И Мышку (то бишь, Ингу Витальевну Мышину), пригласили – как перспективную и талантливую «мостовичку».

– Представляю вам, уважаемые коллеги, нового директора Санкт-Петербургского филиала, – вальяжно указав рукой на ухоженную дамочку, объявил дородный Председатель Совета директоров. – Северина Яновна Таболина. Опытный и многократно-проверенный руководитель. Прошу, что называется, любить и жаловать.

– Попробуем, конечно, типа – полюбить, – многообещающе хмыкнула вредная Маринка. – А можно поинтересоваться – в какой области народного хозяйства уважаемая Северина Яновна почерпнула свой бесценный управленческий опыт?

– Можно, – лучезарно улыбнувшись, заверила дамочка. – В области недвижимости. Причём, самой-самой разной.

– А в области проектирования дорог?

– Чего нет, того нет, врать не буду. Но это обстоятельство, поверьте, мне ничуть не мешает. Главное – при руководстве коллективом – это правильное видение.

– Видение? – никак не могла угомониться бухгалтерша. – А что это такое? И с чем его едят?

– Сейчас расскажу...

И Северина Яновна – подробно и развёрнуто – рассказала о своём «видении»: больше часа выступала, говоря гладко, вычурно и весьма обтекаемо.

«Главное, это чтобы хозяева бизнеса остались довольны», – мысленно резюмировала Инга. – «А всё остальное – глубоко вторично и даже третично. Всё-всё-всё. И качество проектирования, и безопасность эксплуатации будущих объектов, и экология окружающей среды, и, вообще, всё... Акционеры – вот она, эксклюзивная «Священная корова», вокруг которой и надо без усталости плясать, водить бесконечные и торжественные хороводы. А всех остальных необходимо целенаправленно обманывать, «разводить» и «надувать». И Заказчиков, и Государственных экспертов, и различные сервисные службы, и субподрядчиков. Последние, вообще, отдельная статья: платить им надо – за выполненные работы и оказанные услуги – сугубо по решению Арбитражного суда и только после отказа в апелляции. Да и всем остальным, включая арендодателей и Пенсионный фонд, отдавать денежки сразу не следует: пусть обращаются в суд и пытаются наши расчётные счета арестовать. Мы же будем от них старательно «бегать» и изошрённо «заметать следы». Как бы так оно. А заработанные деньги всегда следует акционерам отправлять. Все-все-все. Пусть хозяева бизнеса и решают – что с полученными финансами делать дальше. В этом – весь смысл бизнеса... И экономить надо на всём, неуклонно снижая производственные затраты и все прочие издержки. На всём-всём-всём – следует экономить... Например, в столовом помещении стоят десятилитровые бутылки с питьевой водой «Полюстрово». Её, небось, за деньги привозят? Бред законченный. Сегодня же договор разорвём. В обязательном порядке... У кого-нибудь из сотрудников имеются дачи с приличной колодезной водой? Ага, у троих. Вот и замечательно. Пусть дачники по понедельникам, установив очерёдность, воду в офис и привозят, не переломятся. Решена проблема...».

Директриса закончила излагать своё «видение».

– Молодец, Северина Яновна, – важно покивав головой, похвалил дородный Председатель Совета директоров. – Правильно понимаешь текущую ситуацию. Так держать... И попрошу, в первую очередь, сосредоточиться на оптимизации списочного состава вверенного вам коллектива. Фонд заработной платы – основной источник реальной экономии финансовых средств. Надо срочно избавляться от всех «лишних» сотрудников, не задействованных на «горящих» объектах. Подчёркиваю, аккуратно и грамотно избавляться – без громких скандалов и излишних денежных затрат. Попрошу всех присутствующих отнестись к этому процессу с пониманием и оказывать директору Таболиной всеобъемлющую помощь...

С понедельник он и начался – «аккуратный и грамотный процесс избавления»: Северина планово ходила по кабинетам и «наезжала» на всех подряд, то бишь, придиралась, грубила и хамила напрапалую.

– Это она, графиня хренова, так провоцирует людей на «увольнение по собственному желанию», – предположила в обеденный перерыв прозорливая Маринка. – Сокращение коллектива в официальном порядке – дело, априори, дорогое. Конкретный сотрудник (по Закону), предупреждается о дате сокращения за два месяца. А ещё ему – по истечению этого двухмесячного срока – полагается «отступная» выплата в размере одного должностного оклада. Если же сотрудник после сокращения в течение месяца не сможет устроиться на новую работу и подтвердит этот факт соответствующей справкой, то ему ещё один оклад выплачивается. Итого – четыре оклада, плюс – подоходный налог и стандартные отчисления в Пенсионный фонд. Дороговато получается. Гораздо проще и выгодней – оскорбить и унижить человека, дабы он сам, смертельно-обиженный, уволился в горячке, естественно, по собственному желанию. А сэкономленные деньги, понятное дело, следует дорогим акционерам отдать... Кстати, утомилась наша Севериночка за утро от трудов праведных. Утомилась и отправилась в «Бабушкин» парк, типа – на кратковременный отдых. Я из окошка видела: ходит там по аллеям с блокнотиком и шариковой ручкой в руках, то ли сверяет что-то, то ли какими-то подсчётами занимается.

– Действительно, «Бабушкин» парк очень даже интересуется нашу длинноносую графиню, – криво усмехнувшись, подтвердила секретарша Леночка. – Она – ещё в пятницу – даже несколько навороченных видеокамер, направленных на различные участки парка, установила на оконных рамах своего кабинета и вывела их на личный компьютер. По-тихому установила. Но я-то в этих делах, слава Богу, разбираюсь... А ещё, Мышка, готовься: скоро директриса начнёт к тебе активно приставать.

– Как это – приставать?

– То бишь, клеиться.

– Ты хочешь сказать, что Северина – лесбиянка? – отчаянно покраснела Инга.

– Это точно. За версту видно. Голову даю на отсечение...

Распорядок рабочего дня у Северины Яновны всегда был консервативно-одинаковым.

В восемь тридцать утра начиналась утренняя планёрка, на которой директриса призвала только к одному, мол: – «Нашему «ДорНИИ» деньги нужны. Деньги, деньги и ещё раз – деньги. Срочно завершайте работы по «денежным» этапам и – любой ценой – форсируйте подписание Актов приёма-передач. Обещайте – что угодно, клянитесь самыми страшными клятвами, в ногах у Заказчиков валяйтесь, но подписывайте... Так-с, что у нас с «ужатием»? Необходимо срочно сократить – ещё процентов на двадцать – списочный состав. Начальники отделов, это к вам, в первую очередь, относится. Обещаю премию в размере четверти должностного оклада за каждую «голову», уволившуюся по собственному желанию... Так-

с, сегодня к одиннадцати тридцати придёт реальный покупатель на «лабораторию грунтов», «Газель» и буровую установку. Принять – как родного...».

После планёрки Северина, как правило, плотно «общалась с народом». То бишь, ругалась, придиралась, в открытую оскорбляла и требовала подать заявление на увольнение по собственному желанию. Практически со всеми ругалась и у всех требовала, только Ингу, загадочно улыбаясь, обходила стороной...

А после обеда директриса неизменно усаживалась в свой шикарный угольно-чёрный «Ауди» и куда-то уезжала.

– Всё по каким-то архивам шарится, – делилась своими «секретарскими» знаниями информированная Леночка. – А ещё по всяким земельным комитетам. И с важным мужиком из администрации Невского района постоянно встречается... Что за мужик? Курирует, кажется, вопросы культуры и так называемую «молодёжную политику»... И вообще, складывается устойчивое впечатление, что Таболиной мы все – до фонаря. Как и производственные успехи вместе с прибыльностью. Что-то другое у неё на уме. Совсем – другое. А директорская должность – нечто вроде прикрытия...

Ещё в филиале – с приходом Северины – начались задержки по выплате заработной платы, причём, сугубо по нарастающей. И оглянуться не успели, как двухмесячная задержка стала нормой.

– Потерпеть надо, – хитро посвёркивая тёмно-кариими глазищами, убеждала на планёрках директриса. – Тяжёлые Времена настали. Системный кризис отрасли – это совсем и не шутка. Для тех, кто понимает, конечно... А кто терпеть не готов – попрошу на выход. Любому уволившемуся буду только рада. Кстати, тем сотрудникам, которые уволятся по собственному желанию, Центральный Аппарат гарантирует незамедлительную выплату всей задолженности по заработной плате, прошу учитывать этот немаловажный момент...

И процесс «ужатия» пошёл: кто-то, обиженный на грубость Северины, увольнялся по собственному желанию, а с кем-то она договаривалась на «расторжение трудового Контракта по обоюдному согласию сторон с выплатой выходного пособия в размере одного должностного оклада». Целыми отделами уходили люди...

И у Инги состоялся разговор с директрисой.

Случилось это в конце сентября месяца, в самый разгар питерского бабьего лета. Взбрело Инге в голову, что она слегка пополнела: в том смысле, что сбросить пару-тройку килограмм – лишним не будет. То бишь, подумала-подумала, да и «села на диету». А ещё решила, что надо побольше пешком ходить и, не откладывая дело в долгий ящик, отправилась – в ближайший обеденный перерыв – на прогулку в «Бабушкин» парк.

Погода стояла просто замечательная: полное безветрие, бездонное ярко-голубое небо в вышине, теплынь – чуть ли не двадцать градусов, крохотные пичуги звонко и радостно чирикали практически со всех сторон. А ещё кругом было много-много разноцветных листьев: и на ветках деревьев-кустов, и под ногами.

Сделав – за двадцать пять минут – «малый» круг по парку, Инга устроилась отдохнуть в крохотной резной беседке, отгороженной от других частей парка высокой стеной боярышника. Удобное и укромное такое местечко – сидишь и ненавязчиво наблюдаешь за посетителями, идущими по центральной парковой аллее: ты всех – через ветки боярышника – видишь, а тебя – никто.

«Ага, Северина свет Яновна в парк пожаловала», – всмотревшись, мысленно удивилась Инга. – «Свежим осенним воздухом, голубушка, вышла подышать. Ну-ну. Как же иначе? Работа, ведь, у неё очень-очень нервная. Всё с упрямым и неблагодарным народом, который увольняться по доброй воле никак не желает. А живое общение с природой, как уверяют по телевизору, оно очень даже эффективно способствует релаксации. Сегодня даже

светло-голубой джинсовый костюмчик напялила, а на ноги – ярко-зелёные кроссовки. Не её, честно говоря, стиль. Не «графский»... Хм, тревожно оглядывается-озирается по сторонам. А теперь – достаточно ловко, надо признать, – забралась на крышу здания тира, закрытого по осеннему времени... Что-то там пристраивает на крыше. Похоже, что маленькую видеокамеру с передатчиком. Однако. Она, ко всему прочему, ещё и шпионка... И чем же этот парк Северине так интересен? Головоломка... Спустилась на землю и идёт в мою сторону, разворачивая на ходу какую-то карту. Подходит всё ближе, ближе. Останавливается... А карта-то у неё в руках непростая, а очень-очень старинная. Ну, очень: надписи с «ятями», вычурная «роза ветров», сеть трещинок на тёмно-жёлтой пергаментной бумаге. Вернее, даже не карта, а какой-то достаточно подробный план: сад, клумбы, фонтан, аллеи, овальный пруд, длинный дом с пристройками... Северина ищет какой-то древний клад? Очень похоже на то. Надо будет обязательно узнать побольше об этом «Бабушкином» парке, мол, как, кто, что, зачем и почему... Таболина аккуратно сложила карту и отправила её в замшевую дамскую сумочку. Дальше, вертя головой по сторонам, шагает по гравийной дорожке... А это ещё что такое? Прилично-одетый мужчина, отчаянно размахивая руками, выскочил из боковой аллеи. Орёт на Северину, а та – на него. Скандал самый натуральный образовался на ровном месте... Мужчина? Это же директор «Бабушкиного» парка, его пару раз по телевизионному каналу «Культура» показывали. Интересный поворот, однако...».

Она, слегка попетляв между аттракционами, покинула парк через центральный вход. Покинула, повернула направо и примерно через двести пятьдесят метров столкнулась – буквально-таки нос к носу – с Севериной Яновной, вышедшей из парка через второстепенную «боковушку».

– О, Мышка! – обрадовалась директриса. – Какая встреча! Ничего, что я тебя так называю?

– Называйте, – пожав плечами, разрешила Инга. – Не жалко. Меня многие так называют.

– Вот и хорошо... А у меня к тебе разговор имеется. Серьёзный. Вернее, предложение.

– Слушаю, говорите.

Таболина ходить вокруг да около не стала, тут же заявив, мол, так и так: – «Предлагаю, Мышка, сожительство. Ты – в моём вкусе. Будем жить душа в душу. Зарплату, понятное дело, будешь получать вовремя, да и премии квартальные... А если не согласна, то тогда лучше сразу увольняйся, времени не теряя. Со Света сживу и всё такое прочее...».

– Я обязательно подумаю над вашим заманчивым предложением, – кротко улыбнувшись, пообещала Инга. – А сейчас, извините, мне пора, обеденный перерыв заканчивается. Нельзя опаздывать. Ну, не хочется мне быть уволенной «по статье», за нарушение трудовой дисциплины.

Почему она сразу не отказала похотливой директрисе? Почему не послала её – куда подальше? Почему, в конце-то концов, не оскорбилась и не подала заявление об уходе по собственному желанию?

Жгучее природное любопытство, как уже говорилось выше, было всему виной: старинная карта, понимаешь, возможность принять участие (параллельно с Севериной Яновной, понятное дело), в поисках загадочного клада – это, мои дамы и господа, совсем и не шутки. Для тех, кто понимает, конечно...

Началась зима, пришли ранние и лютые морозы, задули регулярные северные и северо-восточные ветра, и «Бабушкин» парк – практически за пару суток – завалило белым пушистым снегом. А Северина Яновна почти на два с половиной месяца отправилась в больницу, мол, неизвестные хулиганы избили у подъезда, отобрав сумочку с кошельком и мобильный телефон. В результате – сильное сотрясение мозга, переломы нескольких рёбер и челюсти,

многочисленные ссадины и гематомы. По крайней мере, такова была официальная версия этого происшествия... Что случилось на самом деле? Неизвестно. Даже Леночка, знающая обычно всё и про всех, только неопределённо пожимала плечами, мол: – «Тёмное дело. Однозначная информация напрочь отсутствует. И вообще, похоже, что этот случай замяли. То бишь, спустили на тормозах...».

Впрочем, «временная нетрудоспособность» Таболиной не помешала Санкт-Петербургскому филиалу ОАО «ДорНии» и дальше успешно деградировать: зарплату по-прежнему задерживали, сотрудники, не видя никаких светлых перспектив, уволились. Инга же, задействовав Интернет и регулярно посещая по выходным различные музеи и архивы, узнала об истории «Бабушкиного» парка очень и очень многое.

Потом пришла весна, снег растаял, а директриса, выписавшись из больницы, вернулась на рабочее место. Только постоянно подкашливала, жаловалась на частые головные боли и сомнительных предложений больше не делала.

В третьей декаде мая Инга вновь «села на диету» и как-то отправилась – в обеденное время – на прогулку в парк. С полчаса побродила по аллеям, а после этого устроилась в своей укромной беседке, размышляя о том и о сём, да без особого любопытства наблюдая – сквозь молоденькую листву боярышника – за редкими посетителями парка.

По гравийной дорожке шла, опираясь на массивную трость, высокая пожилая женщина, одетая во всё чёрное.

«Странная такая бабуля», – непроизвольно отметила Инга. – «Слегка похожая на старую графиню из давнишнего советского фильма – «Бронзовая птица»... А ещё на кого она похожа? На Северину Яновну Таболину, вот на кого. Есть что-то у них общее – и в горделивой осанке, и в длинном породистом носе. Бывает, конечно...».

Старушка ушла, а где-то через минуту раздался (в самый первый раз), ужасный, тоскливый и уробный вой.

Инга, испугавшись, поспешила тут же покинуть парк. Вышла через главные ворота и невольно притормозила: пожилая женщина в чёрных одеждах усаживалась в «Ауди» Таболиной.

Автомобиль укатил.

«Значит, это она и есть – Северина Яновна. Только в загримированном виде», – смекнула Инга. – «Не хочет больше ругаться с директором «Бабушкина» парка, вот и загримировалась, опасаясь очередного избиения...».

В высоком августовском небе медленно разгорался тёмно-янтарный закат.

Официантка принесла шашлык и, пожелав приятного аппетита, удалилась.

– Соблазнительно выглядят, – одобрил Иван. – У меня уже слюнки текут... Снимем пробу?

– Снимем. Уже кусаю...

– Ну, и как тебе?

– Божественно, – зажмурившись от удовольствия, похвалила Инга. – Очень сочные и ароматные. Жаль, что к такой вкуснотище пиво не прилагается. Только обязательно светлое и с лёгкой пикантной горчинкой.

– Серьёзно? Что же ты, Мышка, молчала? Сейчас обязательно закажу...

– Не надо, Ваня. Ты же за рулём. А для молодой девушки пить пиво в одиночку – дурной тон. Вот, если за компанию... Как тебе, кстати, моя история? Правда, занимательная?

– И даже очень, – согласился Федосеев. – Старинные клады – это круто. А тут ещё и это странное избиение... Директор «Бабушкиного» парка заказал? Неизвестные конкуренты-кладоискатели? Обиженные сотрудники Санкт-Петербургского филиала, которых госпожа Таболина вынудила уволиться? Некая девушка, оскорблённая непристойным пред-

ложением? Вариантов, что называется, пруд пруди... Ладно, попробую получить по этой Северине дополнительную информацию. У кого – получить? У друзей-приятелей, естественно. Кое-кто из моих купчинских одноклассников в питерской полиции трудится. Поможет, конечно...

Потом, когда шашлыки были успешно съедены, Иван рассчитался с приветливой официанткой и отвёз Ингу домой – в район станции метро «Лесная».

– Спасибо, Ваня, – поблагодарила девушка. – За розы, шашлыки и приятный вечер... Мои папа с мамой на даче, но в гости я тебя приглашать не буду. Извини.

– И это правильно, – понимающе вздохнул Федосеев. – Мы же ещё слишком мало знакомы...

– А если бы пригласила, то пошёл бы?

– Наверное. Только слегка удивился бы. А, быть может, и расстроился бы всерьёз.

– Вот и я про то же. Спокойной ночи, Ваня. Губы-то подставь, поцелую... А номерами телефонов обменяться? Эх, недотёпа какой...

Глава четвёртая Первое убийство

Инга скрылась в подъезде, Иван завёл «Опель», отъехал от дома с квартал, остановил машину, достал из кармана брюк мобильный телефон и позвонил Серёге Яковлеву. Сергей служил в российской полиции в звании майора и занимал высокую должность «заместитель начальника по работе с личным составом» в «пятнадцатом» отделении Фрунзенского района. Правда, на тот момент он был переведён на три с половиной месяца – в качестве внепланового усиления – в Невское РУВД. Обычная начальственная практика, мол: – «В Купчино всё относительно спокойно, а на правом берегу Невы, наоборот, наблюдается всплеск преступности, и сотрудники Невского РУВД откровенно зашиваются? Не вопрос. Сейчас мы им, бедненьким и уставшим, в помощь бравых купчинских ребятишек направим...». Зачем – позвонил? Ну, как же. Ведь обещал симпатичной девушке – навести дополнительные справки о подозрительной директрисе филиала? Обещал. А обещания, как известно, надо выполнять. Тем более, обещания, данные симпатичной девушке...

– Майор Яковлев слушает, – откликнулась через четверть минуты трубка мобильного телефона.

– Привет, Серенький.

– Ваня? Рад тебя слышать. Здорово мы в субботу посидели, душевно... Как до дома-то добрался? Нормально?

– Без эксцессов, – усмехнулся Федосеев. – В том плане, что, естественно, на автопилоте, но без всяческих происшествий.

– Замечательно... Знаешь, мне сейчас не с руки говорить – «на труп» еду. Впрочем, минуты три-четыре есть... У тебя что-то срочное?

– Не то, чтобы срочное. Просто вспомнил, что тебя откомандировали в Невский район. А тут, как раз, возле «Бабушкиного» парка одна подозрительная гражданка крутится и воду активно мутит. Вот и хотел попросить тебя – пробить эту тётеньку через ваши ведомственные базы данных. Ну, на предмет биографии и всего прочего.

– Говоришь, активно крутится возле «Бабушкиного» парка? – в голосе майора неожиданно прорезались заинтересованные нотки. – Как же, ёлы-палы, тесен наш многогрешный и призрачный Мир. Сплошные совпадения и пересечения, так их и растак... Я, друг Ваня, «на труп» в означенный тобой парк и еду. Такие дела... Сможешь подскочить?

– Без вопросов, – заверил Иван. – Минут за сорок пять управлюсь. Если, конечно, «пробки» не помешают.

– Вот и ладушки. Паркуйся возле главного входа в парк, сержант тебя дальше проводит. Диктуй номер своего «Опеля»...

Возле главного входа в «Бабушкин» парк наблюдалось несколько припаркованных автомобилей – и бело-голубых полицейских, и разномастных штатских. Но рядом с двумя сержантами, скучавшими под ярко-жёлтым уличным фонарём (белые ночи-то уже прошли), место было свободно.

«Следовательно, Серёга здесь пользуется авторитетом», – паркуясь, решил Федосеев. – «Майор, как-никак. Да и в славном российском ГРУ целую кучу лет отслужил...».

– Иван Васильевич? – вежливо козырнув, поинтересовался один из молоденьких сержантов.

– Он самый.

– Следуйте за мной. Господин майор приказал – сопроводить незамедлительно...

В «Бабушкином» парке, не смотря на позднее время, было достаточно светло.

– Во-первых, мы задействовали все здешние фонари, – пояснил на ходу сержант. – Даже те, которые обычно включают только во время проведения «корпоративов». Ещё господин майор парочку прожекторов на автономных источниках питания привёз с собой, он у нас запасливый. Дело в том, что труп обнаружили ближе к Неве, – указывая направление, махнул рукой. – А та часть парка, она... э-э-э, слегка неухоженная...

«Убийство, скорее всего, произошло где-то за здешним «Колесом обозрения», – предположил Иван. – «Там, по словам Инги, сплошные заросли...».

«Колесо обозрения» осталось позади. Подстриженные газоны закончились. Впрочем, как и подстриженные кусты.

– За мной шагайте, – предложил сержант. – Тут наши, занимаясь следственными действиями, в высокой траве уже самую натуральную тропу проложили-протоптали.

Впереди замаячили яркие светло-жёлтые лучи, и вскоре Иван с сержантом, не без труда продравшись через густые поросли молодой ольхи, выбрались на овальную поляну, заросшую высокой травой, лопухами, репейником и прочими сорняками.

На поляне, освещённой с двух сторон мощными прожекторами, находилось порядка семи-восьми мужчин (и в полицейской форме, и в гражданской одежде), а высокий старый ясень, росший практически по её центру, был огорожен – квадратом – красной широкой лентой, закреплённой на воткнутых в землю металлических прутьях.

– О, вот и он, – обрадовался Сергей. – Знакомьтесь, господа сыщики и эксперты, Иван Васильевич Федосеев, новый начальник «Службы режима» завода «Пролетарий». В должности работает всего несколько дней, но уже успел разжиться, как я понимаю, некой важной и эксклюзивной информацией. Учитесь.

– Не факт, что эта информация может вам пригодиться, – пожал плечами Федосеев. – Для успешного расследования сегодняшнего конкретного преступления, я имею в виду.

– Разберёмся, не вопрос... Ты к трупам как относишься?

– В общем-то, насторожённо. Как и все. Но если надо, то могу и взглянуть. Может, и не стошнит.

– Моряцкий юмор? – понимающе хмыкнул Яковлев. – Ну-ну... Пойдём, посмотрим, раз приехал. Лишним не будет.

Труп располагался за красной лентой, между мощными корнями старого ясеня: светловолосый мужчина средних лет в нежно-лиловой рубашке и кремовом летнем костюме, причём, брюки на покойнике были расстёгнуты и приспущены до колен. А в полутора метрах от трупа лежала, запутавшись в высокой траве, цветная женская косынка.

– Картина маслом, – невозмутимо прокомментировал Иван. – Из серии: – «Легкомысленные сексуальные забавы возле старого ясеня...». И кто же это такой?

– Директор «Бабушкиного» парка.

– Понятно... И когда... м-м-м, его убили? В какое время?

– Смерть, по мнению наших экспертов, наступила ориентировочно в восемнадцать сорок пять – плюс-минус пятнадцать минут. Причина смерти – отравление сильнодействующим ядом. Вечернему «дежурному по аттракционам» в начале восьмого вечера позвонила неизвестная женщина и, пребывая в состоянии истерики, сообщила, что случайно наткнулась, гуляя по парку, на труп мужчины. Ещё рассказала, сбиваясь и слегка заикаясь, как найти покойника. Дежурный информацию проверил, после чего, убедившись в её правдивости, связался с полицией.

«У нас с Ингой, по крайней мере, железобетонное алиби», – пробежала в голове дурацкая мысль. – «В восемнадцать двадцать пять мы уже сидели в кафешке и общались с официанткой... Но была же ещё и загримированная Северина Яновна Таболина. Если, конечно, это была она... Когда пожилая женщина в чёрных одеждах прошла мимо нас? Где-то в восем-

надцать пятнадцать. А в какую сторону она направилась? К «Колесу обозрения»? Или же, наоборот, к выходу из парка? Не обратил, честно говоря, внимания. Раззява, блин...».

– Эй, старина, срочно выныривай из своих раздумий, – посоветовал Серёгин голос. – Ну, имеет твоя информация (навскидку, ясный перец), отношение к этому преступлению?

– Скорее всего, имеет, – кивнул головой Иван. – Готов, что называется, дать показания.

– Фу, как официально... Старшинов, ко мне!

– По вашему приказанию прибыл, – браво отрапортовал оперативно подошедший молодцеватый старший лейтенант.

– Диктофон с собой?

– Так точно.

– Доставай и настраивай, – велел Яковлев. – Будешь записывать... м-м-м, информацию от господина Федосеева... Только, коллеги, отойдём, пожалуй, в сторонку. Не будем беспокоить покойного директора нашими разговорами. Ни к чему. Примета плохая...

Они переместились на дальний край поляны, и Иван подробно обрисовал картинку, сложившуюся в Санкт-Петербургском филиале ОАО «ДорНии». Не забыв, естественно, упомянуть о повышенном интересе к «Бабушкиному» парку со стороны директрисы филиала (включая плотное общение с чиновниками Невского района), и о её прошлогоднем скандале с директором этого парка. И о видеокамерах, направленных на парковые аллеи, на оконных рамах кабинета Таболиной. И об отдельной видеокамере, размещённой на крыше паркового тира. И об утробном тоскливом вое, регулярно доносящемся из парка. И о жестоком избиении Северины Яновны, имевшем место быть в начале прошлой зимы. И о высокой старухе в чёрных одеждах, прошедшей мимо него в восемнадцать пятнадцать. А также и о смелой версии – относительно личности этой пожилой женщины... Всё рассказал? Почти всё.

– Просто замечательно, – внимательно выслушав повествование, обрадовался Сергей. – А главное, очень своевременно и актуально. Целый ворох – всего и вся. Появилась, что называется, богатая пища для размышлений. Будем разбираться... Дружище, а, вот, девушка, которая тебе всё это рассказала. М-м-м... Ей можно доверять?

– Безусловно. Отвечаю.

– Ну, да, конечно, в девушках ты всегда разбирался. Особенно в симпатичных... Старшинов.

– Я.

– Во-первых, оперативно залезь на крышу тира и проверь – по поводу видеокамеры. Если найдёшь, то срочно снимай её и передавай экспертам, пусть работают. Во-вторых, тщательно пробей по нашим ведомственным базам эту «филиальную» директрису... Как там её?

– Таболина Северина Яновна, – подсказал Федосеев. – Возраст – сорок с маленьким хвостиком.

– Во-во, пробей. Адрес, биографию, ближайших родственников, основные вехи жизненного пути, знакомства с «большими» людьми, взаимоотношения с криминалом, ну, и так далее. Не мне тебя учить... А, в-третьих, наметь – на живую нитку – рабочий план оперативных мероприятий на завтрашний день: кто конкретно едет в Невский райисполком, кто продолжает усердно «копать» в парке, а кто работает непосредственно с Таболиной. Потом доложишь.

– Есть. Всё выполню в лучшем виде. Комар носа не подточит, – браво заверил старший лейтенант, а после этого поинтересовался: – А вы сейчас куда, господин майор?

– Мы с Иваном Васильевичем пройдем в местный офис, – сообщил подчинённому Яковлев. – Я туда «паркового» заместителя директора вызвал. Пообщаемся, вопросы каверзные позадаём... Феофаныч! – обратился к одному из мужчин в штатском. – Со мной пойдёшь. Вдруг, понадобится помощь квалифицированного эксперта...

Заместитель директора «Бабушкиного» парка оказался щедрым, лысым и ужасно болтливым старикашкой. Кратко отрекомендовавшись – «Петром Петровичем Кравченко», он тут же запричитал:

– Ох, горюшко-то какое горькое. Ох, как ни ко времени-то. Что же теперь будет с парком? А ведь Михаил Абрамович считался таким перспективным и надежды подающим специалистом. Его и в райисполкоме уважали. И в Смольном. Даже по телевизору неоднократно показывали. И планов было – море разливанное. Дельных и талантливых, замечу, планов... Кого теперь назначат на его место? Не дай Бог, какого-нибудь самоуверенного вертопраха, ничего в культурном отдыхе непонимающего...

– Отставить! – прикрикнул Яковлев. – Лирическая истерика сегодня не уместна и даже вредна. Так как делу мешает. Завтра – сколько угодно, вплоть до визита к психиатру... Извольте, уважаемый Пётр Петрович, отвечать на мои вопросы. Уточняю, чётко, взвешенно и кратко отвечать, как в армии. То бишь, без излишнего словоблудия.

– Всё понял, господин майор. Спрашивайте.

– Часть парка, расположенная ближе к Неве, непосредственно за «Колесом обозрения». Почему она такая неухоженная и диковатая? Почему трава и кусты не подстрижены? Почему деревья так запущены и не приведены в надлежащий «парковый» вид?

– По причине невозможности этого сделать, – отрапортовал заместитель директора парка.

Отрапортовал и, вытянувшись в струнку, замолчал.

– Не понял, – помрачнел майор. – Значит, нагло и изошрённо издеваемся над представителями Власти? Препятствуя, значит, успешному проведению следствия?

– Никак нет! Вы же сами велели...

– Что – велел?

– Отвечать – коротко и сжато. Как в армии... Вот, я и отвечаю. Как и было велено. Боясь попасть под гнев всемогущих Органов. Ибо являюсь по жизни человеком опытным, битым-перебитым и неоднократно пуганым. Извините, пожалуйста, если что ни так. Отслужу. Отработаю. Кровью и потом смою. Если разрешите, конечно.

– Ладно, исправляюсь и вношу необходимые коррективы. Извольте отвечать развернуто и внятно. Но сугубо по делу.

– Есть, по делу, – покладисто вздохнул Пётр Петрович. – Не всё, однако, так просто – с «приневской» частью парка. Вернее...

– Ну-ну, продолжайте.

– У покойного Михаила Абрамовича по той части парковой территории была разработана целая комплексная Программа – по коренной, современной и масштабной модернизации. Включая и «американские горки» последнего поколения, и элементы «Диснейленда», и даже трёхэтажный (спрятанный за деревьями парка), гостиничный комплекс с залом для модного нынче фитнеса. И все основные согласования-разрешения были уже получены. И уважаемые инвесторы были найдены... Но тут, как назло, неожиданно выяснилось, что рассматриваемые территории имеют очень важное культурно-историческое значение. Мол, именно рядом с руслом Невы на территории «Бабушкиного» парка располагаются (под землёй), развалины старинных дач неких важных вельмож, живших во времена Екатерины Второй. Петиция какая-то всплыла, написанная – якобы – прямыми потомками упомянутых выше вельмож. Районные чиновники, естественно, тут же испугались, засомневались и – в конечном итоге – Программу Михаила Абрамовича «заморозили» на неопределённое время, мол, сперва надо провести тщательные археологические исследования. Сейчас готовят пакет документов на проведение соответствующего тендера. Бюрократия махровая, короче говоря.

– С этим – всё понятно, – одобрительно покивал головой Яковлев. – А что покойный директор парка позабыл – сегодняшним вечером – в его заброшенной части? Причём, со спущенными брюками? А?

– Дык...э-э-э...

– Отставить – сопли зелёные жевать! Отвечать чётко и однозначно. Причём, желательно, чистую правду. Во избежание привлечения к уголовной ответственности за дачу ложных показаний.

– Не сажайте, пожалуйста, меня в тюрьму, – состроив жалостливую гримасу, попросил заместитель директора. – Я уже старенький и больной... Что же касается вашего последнего вопроса, – смущённо шмыгнул носом. – То так отвечу. На свидание с женщиной Михаил Абрамович отправился в дальнюю часть парка.

– Кто такая? Фамилия, имя, отчество?

– Честное слово, не знаю. Миша сказал, что она на заводе «Пролетарий» работает. Вернее, в коммерческой организации, которая арендует помещения на территории «Пролетария».

– Название организации?

– Кажется, ОАО «ДорНии».

– И кто бы сомневался? – многозначительно посмотрев на Федосеева, хмыкнул Сергей. – Тесен наш многогрешный и призрачный Мир. Ох, как тесен... Что ещё покойный рассказывал про свою пассию?

– Простите...э-э-э, не понял?

– Про свою любовницу, я имею в виду. Что он вам рассказал?

– Ну, Миша говорил..., – стыдливо покраснел Пётр Петрович, – что она...м-м-м, очень аппетитная. Ещё необузданная и умелая – в плотских утехах. Всякие хитрые сексуальные позиции знает. Вот.

– Когда они начали встречаться?

– Думаю, что совсем недавно. А в нашем парке, скорее всего, в первый раз.

– Значит, сегодня – в конце рабочего дня – Михаил Абрамович отправился на свидание со своей страстной любовницей, в офис больше не возвращался и вам не звонил?

– Почему – в конце рабочего дня? Миша ушёл примерно в одиннадцать сорок пять. Да, больше он не возвращался и не звонил. А, вот, я ему – несколько раз. Но он не отвечал.

– При трупe директора парка мобильного телефона не обнаружено, – встрял в разговор эксперт Феофаныч. – Очевидно, убийца унёс его с собой. В том смысле, что унесла.

– Пробьем всех абонентов покойного через операторов сотовой связи, – решил Яковлев. – Давай-ка, Иван Васильевич, выйдем на пару минут в коридор. Пошепчемся слегка...

Они вышли.

– Лихо закручено и наворачено, – признался Федосеев. – Я, честно говоря, слегка сбит с толка.

– Ничего, обязательно разберёмся в этом деле. Совместными, так сказать, усилиями... А ты со всеми «филиальными» женщинами и девушками знаком?

– Не то, чтобы знаком, но почти всех их видел. Кроме самой директрисы филиала.

– И кто из них, по твоему мнению, мог бы претендовать на роль страстной любовницы покойного Михаила Абрамовича?

– Претендовать-то некоторые из них, безусловно, могли бы. Но и понятия «алиби» никто, однако, не отменял...

– Порассуждай-ка, старина, вслух, – предложил Сергей. – Полезное дело, как показывает практика.

– Хорошо, слушай... Марье Ивановне, что работает в Отделе маркетинга, уже за шестьдесят, в свободное время шерстяные носки внукам и внучкам вяжет. Не годится она в любовницы... Секретарша Леночка Ветрова. Весьма симпатичная и сексапильная девица. Весьма. Но она – при мне – в семнадцать тридцать пять уехала с работы на чёрном «Мерседесе» представительского класса. Номеров, извини, не рассмотрел, так как машина была припаркована в семидесяти-восьмидесяти метрах от «третьей» заводской проходной. Вполне возможно, что за рулём данного «Мерседеса» находился близкий друг гражданки Ветровой, работающий в ФСБ... Бухгалтер Марина Залеская. Вполне себе ничего дама: в теле, и мордашка симпатичная. Тем более что вдова. Но она в семнадцать сорок пять отправилась в детский садик за маленькой дочкой. Так что, и её присутствие в парке в районе восемнадцати тридцати маловероятно... Далее – Инга Мышина. С ней я не расставался от семнадцати сорока до двадцати одного часа пятнадцати минут. У неё, выражаясь напрямик, стопроцентное и железобетонное алиби. Как бы так...

– Красивое имя – «Инга».

– Главное, что редкое, – продолжил знаменитую фразу из известного советского кинофильма Иван.

– И кто же у нас остался?

– Северина Яновна Таболина, директриса филиала. Ей, правда, уже за сорок. Но Инга говорит, что Северина – дама ухоженная, стройная, стильная и обладает горделиво-грациозной осанкой. Так что, безусловно, может заинтересовать определённый тип мужчин. Да и офис она покинула вчера до обеда... Но и здесь имеют место быть ярко-выраженные нестыковки. Во-первых, Таболина скандалила и ругалась – при свидетелях – с покойным Михаилом Абрамовичем. То есть, была с ним «на ножах». Вполне вероятно, что зимой её избили именно по указанию директора «Бабушкиного» парка. По крайней мере, я не исключаю такой возможности. А, во-вторых, Северина Яновна является лесбиянкой.

– Ерундовые и несерьёзные аргументы, – устало зевнув, заявил Яковлев. – Многие современные сексуально-озабоченные дамы являются, так сказать, всеядными. То бишь, охотно вступают в интимные отношения как с мужчинами, так и с женщинами. Бисексуалки, короче говоря... История с публичным скандалом? Весьма возможно, что они тогда ругались вовсе не из-за «Бабушкиного» парка, а, наоборот, по поводу своих личных отношений. Из нетленной серии: – «Милые бранятся – только тешатся...». Или же, к примеру, из-за банальной ревности. Или, допустим, для отвода глаз. Или раньше они, действительно, были «на ножах», а с месяц назад резко и плотно помирились. Из знаменитой серии: – «От ненависти до любви – один шаг»... Зимнее избиение Таболиной? Будем разбираться и выяснять. Будем... Не забывай, дружище, и о высокой бабульке в чёрных одеждах, которая в начале седьмого вечера шарилась по парку. А также о версии, предполагающей, что означенная старушка – это никто иная, как загримированная Северина Яновна. Да и ролевые сексуальные игры нынче в моде... Причина убийства? Допустим, что всё та же жгучая ревность. Ведь Михаилу Абрамовичу и тридцати пяти лет не было, запросто мог ещё и с другой барышней – помоложе Таболиной – шашни крутить. А Северина, мол, случайно узнала про это. Вот и закономерный результат...

– Значит, Таболина у нас является подозреваемой за номером «один»?

– Получается, что так. Но и алиби других девушек необходимо дополнительно и тщательно проверить.

– О чём это ты, Серенький? – непонимающе нахмурился Федосеев.

– Не напрягайся так, братец. Твоя Инга – вне подозрений, – успокоил Сергей. – А, вот, по двум другим сотрудницам филиала «ДорНии» есть вопросы. Кто, собственно, мешал секретарше, слегка покатавшись на «Мерседесе» по району, покинуть машину и направиться пешочком в «Бабушкин» парк? Никто, понятное дело, не мешал. Будем проверять... А бух-

галтерша? Вдруг, она попросила кого-нибудь из подружек забрать дочку из детского сада, а сама, дойдя до главного входа в парк, преспокойненько отправилась на свидание с любовником? Будем проверять... Ладно, Ваня, возвращаемся в «парковый» офис. Надо задать нашему говорливому старичку ещё парочку важных вопросов...

В офисном помещении разгорался нешуточный спор между экспертом Феофанычем и заместителем покойного директора «Бабушкиного» парка – о роли и миссии Императрицы Екатерины Второй в общественно-политической жизни России восемнадцатого века.

– Отставить, деятели, – послушав с минуту аргументы спорщиков, велел Сергей. – Тут, понимаешь, убийство с отравлением, а они, брызгая слюной, всякую ерунду обсуждают.

– Какая же это ерунда? – искренне возмутился Пётр Петрович. – Без знания истории собственной страны невозможно построить современное гармоничное общество. А, вот, вновь наступить на те же самые грабли – раз плюнуть... Как наимудрейшая и наипрозорливейшая Екатерина могла проспять бунт Емельяна Пугачёва? Как, я вас спрашиваю? Где же здесь, господин майор, ерунда? Тем более что и знаковый 2017#ый год уже не за горами. С таким легкомысленным отношением к урокам истории можно и до новой революции доиграться. Проснулся утром, выглянул в окно, а там – сплошные баррикады...

– Всё равно – отставить. Не до того... Скажите, любезный, а та женщина, что обнаружила труп Михаила Абрамовича и позвонила, она не представилась?

– Никак нет, господин майор. Сообщила – сквозь слёзы и всхлипы – о находке, разъяснила – через пень-колоду – где нашла, а после этого отключила связь.

– А номер её мобильного на экранчике, часом, не высветился? На экранчике мобильного телефона вашего вечернего «дежурного по аттракционам», я имею в виду?

– К сожалению, нет. Петрович тоже удивлялся по этому поводу. Наверное, у этой барышни какой-то хитрый телефон.

– Хитрый, говорите? – усмехнулся Яковлев и многозначительно подмигнул Ивану, мол: – «Имеет место быть камушек в «секретарский» огород. Такие телефоны (вернее, телефонные «симки»), действительно, на дороге не валяются. Но через знакомых «фээсбэшников» достаются элементарно и без всяких проблем. Сперва, мол, отравила, а потом, выждав некоторое время, позвонила и сообщила о трупе. Нормальная такая версия. Рабочая...».

– Надеюсь, на этом ваши вопросы закончились? – заканючил заместитель директора парка. – Я старый и больной человек. Подагра и гастрит регулярно донимают. Мне доктор по весне предписал – ложиться спать не позднее двадцати двух ноль-ноль. У меня уже голова болит: наверное, давление – на нервной почве – подскочило...

– Последний вопрос остался. Нет ли у вас фотографий всех работников «Бабушкиного» парка?

– Всех? Нет, извините. У нас же отсутствует пропускной режим, вход на территорию парка свободный. Поэтому и сотрудников не фотографируем – за полной ненужностью... Но несколько фотографий обязательно найду. Мы с покойным Мишей как-то задумали «Доску почёта» организовать. Вот, для неё самых лучших наших работников недавно и сфотографировали. А также ветеранов ВОВ и блокадников. Сейчас-сейчас...

Пётр Петрович, достав из верхнего ящика письменного стола тяжёлую связку ключей, подошёл к массивному сейфу, занимавшему дальний угол кабинета, открыл, побряхтев и позвеневав ключами, толстую железную дверцу, извлёк из сейфа тощий тёмно-коричневый конверт и, бросив его на столешницу, пояснил:

– Здесь все фотографии. Девять штук. Изучайте, господа сыщики, на здоровье. Не жалко...

Сергей вытащил из конверта цветные фотографии, аккуратно разложил их на столешнице и поинтересовался:

– Ну, что скажешь, Иван Васильевич?

– Это она, – ткнув указательным пальцем в одну из фотографий, сообщил Федосеев. – Та самая старуха в чёрном.

– Точно? Ошибка исключена?

– Целиком и полностью. У меня отличная зрительная память.

– Какая ещё – старуха? – возмутился Пётр Петрович. – Это – наша уважаемая сотрудница, Нинель Алексеевна Чернова. Работает в парке с мая месяца текущего года – продавцом билетов на аттракционы. Отличается дисциплинированностью, вежливостью и аккуратностью. Ещё она – коренная питербурженка чуть ли не в десятом поколении. А вы, молодой человек, так Нинель Алексеевну обозвали. Старухой, понимаешь. Нехорошо, право слово...

– Был неправ, погорячился – покаялся Иван. – Извините за грубость и нетактичность, – а про себя подумал: – «Очередной неожиданный поворот образовался. И эта фамилия – «Чернова». Слышал я её где-то. Причём, совсем недавно...».

Глава пятая

Про нежность и смерть

Утро выдалось беспокойным и нервным. Уже ближе к рассвету бдительные заводские охранники задержали наглого «несуна» из ночной смены, пытавшегося перебросить через высокий заводской забор моток витой проволоки. Причём, проволока была непростой, а содержала – в составе своих прядей – целую кучу каких-то безумно-ценных и дорогущих редкоземельных металлов. Ивану пришлось составлять и подписывать огромную кипу разнообразных бумаг, а также решать – совместно с начальником «пятого» цеха и Председателем заводского профкома – наиважнейший и животрепещущий вопрос, мол: – «Передавать «несуна» в компетентные органы, или же удовлетвориться строгим выговором «с занесением» и лишением квартальной премии?». В конечном итоге, учитывая, что провинившийся являлся токарем высшей квалификации, никогда ни в чём подобном замечен не был и отработал на «Пролетарии» без малого двадцать пять лет, решили – «не передавать». Только решили – позвонила секретарша Генерального директора завода и пригласила на пушистый начальственный ковёр, мол: – «Шеф хочет лично пообщаться, а также и ознакомиться с вашими впечатлениями от первых дней работы...». Пошёл, конечно. Только начал делиться впечатлениями – позвонила Инга. Пришлось, скрипя сердцем, нажать на «отбой». Ничего не поделаешь. Впрочем, когда Генеральный директор отвлёкся на звонок «городского» телефона, Федосеев по-быстрому отправил «эсмэску», мол: – «Сейчас разговаривать не могу. Как освобожусь – сразу же позвоню. Жди...». Но освободился он не скоро: Генеральный директор завода оказался человеком на редкость любопытным, внимательно выслушав нового подчинённого – относительно первых впечатлений от работы, он (автобиографию-то читал, как-никак), принялся задавать бесконечные и развёрнутые вопросы о дальних плаваньях по экзотическим морям-океанам. Пришлось, понятное дело, отвечать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.